

**Сопоставительный семантический анализ фразеологизмов с
компонентом-соматизмом *палец/finger*: на материале шведского и
русского языков**

Evgenia Bos

Pro gradu-avhandling i ryska språket
och litteraturen

Handledare: Martina Björklund
Fakulteten för humaniora, psykologi
och teologi

Åbo Akademi
2023

Ämne: Ryska språket och litteraturen	
Författare: Evgenia Bos	
Arbetets titel: Сопоставительный семантический анализ фразеологизмов с компонентом-соматизмом <i>палец/finger</i> : на материале шведского и русского языков	
Handledare: Martina Björklund	Handledare:
<p>Abstrakt: Настоящая работа посвящена сопоставительному анализу плана содержания соматических фразеологизмов с компонентом <i>палец/finger</i> в русском и шведском языках. Цель исследования – выявить сходства и различия фрагментов языковой картины мира шведского и русского языков, отображенных в фразеологизмах и концептуализируемых при помощи исследуемого соматизма. Особое внимание в исследовании было уделено фразеологизмам, образное основание которых является средоточием культурной коннотации, связанной с менталитетом сопоставляемых лингвокультур.</p> <p>Практическая ценность исследования заключается в отражении и сравнении фрагментов языковой картины мира русского и шведского языков, что, в свою очередь, может облегчить процесс межкультурной коммуникации и оптимизировать преподавание русского и шведского языков как иностранных.</p> <p>В работе был использован отобранный из лексикографических и фразеографических источников материал, дополненный сведениями, полученными из Национального корпуса русского языка. При работе с материалом применялись методы сравнения, фразеологического описания, семантического, концептуального и лингвокультурологического анализа.</p> <p>Исследование выявило наличие как общекультурной, так и национально-культурной специфики. Как показало исследование, русская и шведская картины мира отражают особенности мировосприятия русского и шведского народов, обусловленные, с одной стороны, экстралингвистическими факторами: специфическими чертами исторического развития каждого народа и особенностями культуры (стереотипы мышления, быт, обычаи), с другой стороны, особенностями русского и шведского языков, по-разному категоризирующих и концептуализирующих одну и ту же объективную действительность.</p>	
Nyckelord: фразеологизм, фразеология, соматизм, семантика, прагматика, концепт, лингвокультура, стереотип, мотивированность, культурная коннотация, образ, символ	
Datum: 10.05.2023	Sidoantal: 68 (86)

Содержание

1. Введение	4
1.1. Выбор темы	4
1.2. Цель, задачи и вопросы исследования	7
1.3. Диспозиция	8
2. Теоретическая база	9
2.1. Фразеология и фразеологический состав языка	9
2.1.1. Фразеология как отдельная лингвистическая дисциплина	9
2.1.2. Связь фразеологии с лингвокультурологией	12
2.1.3. Сопоставительная фразеология	14
2.2. Фразеологизм как лингвистическая единица	16
2.2.1. Критерии фразеологизма как лингвистической единицы	17
2.2.2. Отличия фразеологизма от свободного словосочетания и слова	19
2.2.3. Парадигматические и синтагматические связи фразеологизмов	21
2.2.4. Соматические фразеологизмы	23
2.3. Фразеологическая семантика	25
2.3.1. План содержания фразеологизмов	25
2.3.2. Внутренняя форма и мотивационная основа фразеологизмов	26
2.3.3. Переосмысление компонентов словосочетаний и образность фразеологизмов ..	28
2.3.4. Семантика фразеологизмов, построенных на базе жестов	31
3. Метод и материал	32
3.1. Метод сбора материала	32
3.2. Анализ материала	33
3.2.1. Сопоставительный семантический анализ	33
3.2.2. Концептуальный анализ	35
4. Результаты	36
4.1. Физические свойства пальцев (подвижность, локализация, длина, цвет)	37
4.1.1. Палец как символ труда (деятельности и бездеятельности)	37
4.1.2. Пальцы как символ мастерства (умение и знание и их отсутствие)	41
4.2. Функциональные свойства пальцев	44
4.2.1. Палец как счетный или наглядный инструмент	44
4.2.2. Палец как инструмент удовлетворения	45
4.2.3. Палец как измерительный инструмент и мера сравнения	47
4.3. Характеристики воздействия на палец	50

4.3.1. Преднамеренное (силовое) воздействие на палец	51
4.3.2. Непреднамеренное воздействие на палец	52
4.3.3. Рефлекторное воздействие на пальцы, вызванное иным действием	54
4.4. Характеристики воздействия пальца на окружающий мир.....	55
4.4.1. Безжестовое воздействие	55
4.4.2. Жестовое воздействие.....	58
4.5. Фразеологические соответствия	64
4.3.1. Эквиваленты (полные и частичные).....	64
4.3.2. Аналоги (полные и частичные)	65
4.3.3. Отсутствие фразеологических соответствий	66
4.3.4. Национальная специфика и уникальные фразеологизмы.....	66
5. Дискуссия.....	67
5.1. Обсуждение результатов	67
5.2. Методологическая дискуссия	70
5.3. Выводы и предложения по дальнейшим исследованиям.....	71
Библиография	73
Приложение 1 Сводная информация о собранном материале	76
Приложение 2 Классификация фразеологизмов.....	78
Приложение 3 Фразеологическая соотносимость.....	83

1. Введение

В настоящей главе обосновывается выбор темы, то есть почему содержание работы является актуальным и релевантным, а также дается краткое описание ключевым понятиям, используемым в работе. Затем представляются цель, задачи и исследовательские вопросы работы. В завершение описывается диспозиция работы.

1.1. Выбор темы

В языках всех народов имеются устойчивые обороты или высказывания, не создающиеся в процессе коммуникативного акта, а воспроизводящиеся как готовые единицы подобно слову. Такие устойчивые словосочетания в современной русистике называют по-разному: *фразеологическими единицами, выражениями или оборотами, фразеологизмами* или *фраземами* (см., например, работы Алефиренко & Семенов 2009; Бабкин 2009; Виноградов 1977; Мокиенко 1999; Телия 1963; Телия 1996; Телия 1999; Шанский 1996). В настоящей работе предпочтение отдается общепринятому традиционному термину фразеологизм. Фразеологизмы употребляются в повседневной речи сплошь и рядом, и совокупность всех фразеологизмов языка составляет особый фразеологический фонд языка, или в терминологии Н. Ф. Алефиренко и Н. Н. Семенова (2009, с. 8–9), фраземику, являющейся по их справедливому замечанию, сокровищницей языка, в которой хранится история и многовековой опыт трудовой и духовной деятельности народа (см. также Телия 1963; ср. Телия 1996). Алефиренко и Семенов (2009, с. 6) подчеркивают непреходящую ценность фразеологического фонда языка, так как в нем отражается культура и быт народа, их религиозные воззрения, верования и нравственные и духовные ценности, а также их чувства, образы, символы, знания и представления. Фразеологизмами занимается особая область языкознания, именуемая фразеологией (Телия 1996, с. 35). Однако, под фразеологией часто подразумевается фразеологический фонд языка, что, по мнению Алефиренко и Семенова (2009, с. 15), нецелесообразно ввиду омонимии названия самой науки и ее предмета.

Фразеологический фонд конкретного языка цементирует, фиксирует понятия, являющиеся существенными элементами культуры народа, говорящего на этом языке, носителей языка. В. Н. Телия вместо понятий культура и язык народа и носители языка

использует термины лингвокультура (1999), или лингвокультурная общность (Телия 1996), под которыми понимается неразрывное целое языкового сознания и культуры определенного народа, проявляющееся в национально-культурных компонентах. «Культура – это своеобразная историческая память народа. И язык, благодаря его кумулятивной функции, хранит ее, обеспечивая диалог поколений» (Телия, 1996, с. 226).

Фразеологизм, с точки зрения Алефиренко и Семенов (2009, с. 7), намного мощнее и эмоциональнее действует на носителей языка, чем слово, носители языка без особого труда понимают фразеологизмы и их скрытые смыслы. Совершенно другое дело – студенты, которые начинают учить язык с нуля. Фразеология языка для неносителей – самое сложное и простое одновременно. С одной стороны, есть готовые речевые обороты, яркие и емкие – бери и говори. С другой стороны, при первой встрече с ними часто возникает недопонимание. А все потому, что у неносителей языка нет фоновых знаний или они не знакомы с лингвокультурологическим контекстом (Алефиренко & Семенов 2009, с. 8). С этой точки зрения изучение фразеологического состава языка представляется очень важным в методике преподавания языков как иностранных.

При переводе текстов и при живом речевом взаимодействии носителей с неносителями языка прежде всего на себя обращают внимание сложности восприятия и передачи смыслов фразеологизмов. Способ описания определенной ситуации в родном языке кажется нам естественным и то, что нам предлагает чужой иностранный язык кажется нам порой странным. Трудности восприятия и понимания фразеологизмов порой приводят к буквальному переводу фразеологизма как свободного словосочетания, например, сравните как шведский фразеологизм *ha ett finger med i byken* (досл. ‘иметь палец в грязном белье’), перевод которого отсутствует в современном двуязычном словаре, передается на русский язык в следующем отрывке¹:

swe

Henry hade lyckats övertyga mig om både det ena och det andra och **jag hade² följaktligen ett finger med i byken**. [Klas Östergren. *Gentlemen* (1980) | Клас Эстергрэн. Джентльмены (Лидия Стародубцева, 2010)] [омонимия не снята] ←...→

rus

Генри удалось кое в чем меня убедить, поэтому **мое грязное белье** тоже **шло в оборот**. [Klas Östergren. *Gentlemen* (1980) | Клас Эстергрэн. Джентльмены (Лидия Стародубцева, 2010)] [омонимия не снята] ←...→

¹ Отрывок взят из Национального корпуса русского языка (параллельный корпус шведского языка).

² Все выделения в цитируемых текстах сделаны нами, если не сказано иное (Е.Б.).

В подобных случаях целесообразным является обращение к толковым словарям для выявления семантики фразеологизма, что, в свою очередь, помогает переводчику подобрать адекватный перевод. В отношении вышеописанного примера, к сожалению, не обойтись только обращением к словарям, потребуется дополнительная работа и поиск в интернете. После подобной детективной работы выявляется, что фразеологизм *ha ett finger med i byken* является вариантом фразеологизма *ha en trasa med i byken*, перевод которого, к сожалению, также не зафиксирован в двуязычном словаре, но который мы находим в толковых словарях шведского языка в значении ‘быть замешанным в каком-либо мутном деле, быть причастным к чему-либо подозрительному’ (OKF 2011, s.v. *trasa*; SO 2021, s.v. *trasa*). Используя подобный алгоритм, переводчик может сопоставить семантику переводимого языка с похожей семантикой в родном языке и подобрать адекватный аналог. И здесь уже лишь уровень креативности и фоновые знания в отношении родных фразеологизмов могут ограничить работу переводчика!

В фразеологическом фонде русского и шведского языков зарегистрировано огромное количество подобных вышеописанному соматических фразеологизмов. Соматические фразеологизмы³ – фразеологизмы, в компонентный состав которых входят соматические компоненты, или соматизмы (Бабкин 2009, с. 187). Под соматизмами понимаются слова, которые обозначают названия частей тела: рука, нога, голова, палец и т. п. Соматизмы обладают универсальным характером и имеются в любой языковой картине мира. Сравнить две картины мира именно через сопоставление соматических фразеологизмов представляется интересным и познавательным.

Сопоставительные анализы и сравнение языковых картин мира само по себе не ново, и в науке имеются многочисленные исследования в отношении русского языка в сравнении с немецким, французским, английским языками, а также в сравнении с прочими славянскими языками (польским, белорусским, украинским и пр.). Специальных работ, посвященных сопоставительному анализу соматических фразеологизмов шведского и русского языка нет, что и явилось отправной точкой для настоящей работы. Практическая ценность исследования заключается в отражении и сравнении фрагментов языковой картины мира русского и шведского языков, что, в свою очередь, может облегчить процесс межкультурной коммуникации и оптимизировать преподавание русского и шведского языков как иностранных.

³ Содержание этих и других понятий раскрывается в теоретической части (см. глава 2).

1.2. Цель, задачи и вопросы исследования

Цель исследования – выявить сходства и различия фрагментов языковой картины мира шведского и русского языков, отображенных в фразеологизмах и концептуализируемых при помощи соматизма *paleu/finger*. Поставленная цель предполагает решение следующих задач:

- 1) отобрать единицы из фразеологического фонда русского и шведского языков и составить собственный корпус фразеологизмов с соматизмом *paleu/finger*;
- 2) описать семантические особенности фразеологизмов с данным соматизмом;
- 3) провести сопоставительный анализ фразеологизмов, определить сходства и различия в плане содержания (внутренней форме, образно-ассоциативной основе и семантической структуре фразеологизмов);
- 4) установить степень эквивалентности фразеологизмов.

Настоящее исследование осуществлялось на материале лексикографических и фразеографических источников. Объектом исследования послужили фразеологизмы с компонентом-соматизмом *paleu/finger* в русском и шведском языках, включенные во фразеологические и толковые словари. Для достижения цели и задач работы были сформулированы следующие вопросы исследования:

- 1) Какую семантику передают фразеологизмы с соматизмом *paleu/finger*?
- 2) Чем мотивируются фразеологизмы с соматизмом *paleu/finger*?
- 3) Каковы сходства и различия плана содержания: внутренней формы, образно-ассоциативной основы и семантической структуры?
- 4) Какова степень сопоставимости (эквивалентность, аналоговость и безэквивалентность/безаналоговость) фразеологизмов с соматизмом *paleu/finger*?

В настоящей работе был использован отобранный из лексикографических и фразеографических источников материал, дополненный сведениями, полученными из Национального корпуса русского языка. При работе с полученным корпусом

фразеологизмов применялись методы сравнения, фразеологического описания, семантического, концептуального и лингвокультурологического анализа.

Поскольку нас особенно интересует культурно-национальная специфика фразеологизмов с соматизмом *палец* в русском и *finger* в шведском языках, особое внимание в исследовании будет уделяться фразеологизмам, образное основание которых является средоточием культурной коннотации, связанной с менталитетом сопоставляемых лингвокультур.

1.3. Диспозиция

Работа разделена на пять глав и состоит из введения, теоретической основы, описания метода и материала, результатов, обсуждения результатов и метода и выводов. В теоретической части (глава 2) раскрывается суть ключевых понятий и представляется теоретическая база исследования, где тема работы обсуждается с разных точек зрения. В методологической части (глава 3) обсуждается методология исследования, исследовательский контекст, методы сбора данных и проведения анализа. Результаты исследования представляются в практической части (глава 4) и обсуждаются вместе с методом в дискуссионной части (глава 5), после чего делаются выводы и описываются перспективы дальнейших исследований.

2. Теоретическая база

В представленной части описываются основные теоретические положения, раскрывается содержание ключевых понятий, обсуждаются категориальные свойства фразеологизмов и их мотивационная основа, а также дается краткая характеристика фразеологическим компонентам-соматизмам.

2.1. Фразеология и фразеологический состав языка

В настоящей главе дается определение фразеологии как науки о фразеологическом составе языка и связи фразеологии с лингвокультурологией. Затем обсуждается проблема выделения базовой единицы фразеологии, фразеологизма, где затрагивается вопрос о широком и узком понимании фразеологии. Особое внимание в главе уделяется взаимодействию фразеологизмов как базовых единиц фразеологии и слов как базовых категорий лексикологии. Мы попытаемся ответить на следующие вопросы: Что такое фразеологизм и предметом какой дисциплины он является? Что такое фразеологический состав языка? В чем заключается проблема выделения базовой единицы фразеологии? Каково значение фразеологии в контексте культуры? Здесь также кратко описываются синтагматические и парадигматические связи фразеологизмов (синонимия, антонимия и варианты). В завершение кратко описывается предмет сопоставительной фразеологии.

2.1.1. Фразеология как отдельная лингвистическая дисциплина

Появление русской фразеологии как отдельной лингвистической дисциплины связано с именем академика В. В. Виноградова (Алефиренко & Семенов 2009; Бабкин 2009; Телия 1996). Виноградов разработал теоретические основы науки, изучающей устойчивые словосочетания, именуемые фразеологическими оборотами, или фразеологизмами. В лингвистике, однако, до сих пор ведутся споры по поводу сущности, объема и границ фразеологического состава языка. Среди ученых нет единства в отношении определения базовой единицы фразеологии, и на данный момент фразеология может пониматься как в широком, так и в узком смысле. Согласно традиционной точке зрения, идущей от Виноградова, фразеологизм по своей

синтаксической структуре не может быть длиннее словосочетания (Телия 1996, с. 55; Алефиренко & Семененко 2009, с. 16).

При узком подходе понятие фразеологизма, помимо синтаксического ограничения как словосочетания, связывается с семантической целостностью и полным переосмыслением значения компонентов, входящих в его состав. В. М. Мокиенко (1999, с. 5–6) подчеркивает, что фразеологизмы – это устойчивые словосочетания, воспроизводимые в готовом виде, обладающие экспрессивностью и целостностью значения. Таким образом он исключает из фразеологии афоризмы и цитаты, а также пословицы и поговорки, и относит их к отдельной дисциплине паремиологии (ср. Алефиренко & Семененко, 2009). Предметом фразеологии при узком подходе считаются только фразеологизмы-идиомы (Телия 1996, с. 59), совокупность которых составляет идиоматику языка (там же, см. также Алефиренко & Семененко 2009, с. 34). Под фразеологизмами-идиомами, или в терминологии Телии (1996, с. 59–60), просто идиомами, понимаются идиоматичные (то есть с полностью переосмысленным значением) сочетания слов, обладающие целостностью номинативной и структурно-семантической организации. Виноградов (1977) к идиомам относит лишь фразеологизмы с потухшей образностью и полностью утраченной мотивировкой («сращения»), выделяя фразеологизмы, значение которых в какой-то мере мотивировано значением слов-компонентов в отдельную категорию («единства»). Телия (1996, с. 8) подвергает сомнению приращение Виноградовым феномену мотивированности особой роли и не видит необходимости в разделении сращений и единств в две отдельные категории.

При широком понимании фразеологии подобных синтаксических и семантических ограничений не ставится, и в фразеологический состав языка могут входить любые устойчивые выражения, включая составные термины, номенклатуры, афоризмы, пословицы и поговорки. Фразеологизм понимается в таком случае как сверхсловная единица или, по Шанскому (1996, с. 22), единица, состоящая как минимум из двух компонентов словесного характера, выходящая за пределы слова и порой достигающая размера предложения. Иными словами, при широком понимании определяющим является наличие только двух критериев: воспроизводимость и сверхсловность (Шанский 1996, с. 4). Алефиренко и Семененко (2009, с. 10; ср. Шанский, 1996, с. 22) в свою очередь под фразеологизмом понимают воспроизводимую в готовом виде языковую единицу, состоящую из двух или более компонентов и отличающуюся своим постоянством в отношении значения, структуры и состава.

Компромиссное решение мы находим в трудах Телии (1996, с. 35), согласно которой к фразеологическому составу языка относятся устойчивые сверхсловные сочетания, воспроизводимые в речи как готовые единицы, в то время как фразеологизмы-идиомы (то есть сочетания с полностью переосмысленным значением по принципу присущей им семантической неразложимости) образуют ядро фразеологии (ср. Алефиренко & Семененко 2009, с. 34). Телия (1996, с. 33–34) возражает приверженцам узкого понимания фразеологии и обязательности наличия критерия полного переосмысления значения компонентов, утверждая, что фразеологизмы – это не всегда результат переосмысления свободных словосочетаний или сочетаний слов, поскольку есть фразеологизмы, не имеющие связи с реальной ситуацией, например фразеологизм *вбивать в голову*, в котором налицо образное мышление. Трудно себе представить, что могла иметь место реальная ситуация с вбиванием (возможно, гвоздей) в голову. Скорее всего, в основании фразеологизма лежит метафорический образ, отождествляющий процесс запоминания с забиванием гвоздей (так, чтоб сидело крепко). Поэтому значение компонентов фразеологизмов, по мнению Телии (1996, с. 56), может быть полностью или частично переосмысленным. Более того, Телия (1996, с. 65) вслед за Виноградовым (1977) относит к фразеологизмам такие словосочетания, один из компонентов которого при формальной разложимости обладает синтагматически связанным значением, именуемые в зарубежной традиции лексическими коллокациями (рестриктивными сочетаниями), а в терминологии Виноградова (там же, ср. Телия 1996, с. 251) – фразеологическими сочетаниями. Таким образом, Телия (1996) выделяет три основных критерия фразеологизма: номинативность, полная или частичная идиоматичность (семантический сдвиг или переосмысление), а также устойчивость, проявляющаяся в абсолютной или относительной воспроизводимости «в готовом виде» (Телия 1996, с. 56). В настоящей работе предпочтение отдается точке зрения Телии в отношении объема фразеологии и ее более нюансированному подходу к критериям фразеологизма (1996; 1999). Объектом настоящего исследования, таким образом, являются сверхсловные (в некоторых случаях достигающие уровня предложения) устойчивые единицы с частичным или полным переосмыслением значения. Ядро корпуса исследования рассматриваемых языков составляют фразеологизмы-идиомы, то есть фразеологизмы с полным переосмыслением значения компонентов.

2.1.2. Связь фразеологии с лингвокультурологией

Согласно известному суждению В. фон Гумбольдта, любой язык отражает культуру своего народа (Телия 1996, с. 229), и фразеологизмы справедливо считаются наиболее ярким проявлением национально-культурной специфики лингвокультурной общности. Если считать язык достоянием культуры, то можно сказать, что в языке отражается внеязыковая культура, так как сам язык является продуктом человеческой деятельности и является, таким образом, частью культуры. Исследование взаимодействия языка и культуры, исходя из современного самосознания определенной лингвокультуры, находится в центре интересов науки лингвокультурологии (Телия 1999, с. 16).

По заявлению Телии (1996, с. 102), мы обмениваемся не словами, а мыслями, облекая их в языковую форму, а коммуникативным предназначением речи является не обмен значениями языковых единиц (например, лексем и фразеологизмов), а обмен информацией о мире. Телия (1996, с. 96) подчеркивает, что структура значения многомерна и состоит из нескольких слоев, где объект из мира действительности (прототип) включается в концепт (знание о прототипе) и упаковывается во фрейм (готовность к актуализации знания в определенной ситуации). При соотнесении прототипа с концептом распаковывается знание о свойствах прототипа – референция – и происходит актуализация знания в определенной ситуации. Прототип является темой для оценочной квалификации и эмоционального отношения.

Концепты относятся к сфере лингвокультурологии, когнитивистики, прагматики и семантики, предметом исследования которых они являются. Концепты «рассеяны» в лексическом, паремиологическом и фразеологическом фондах языка, и в них запечатлены стереотипы, образы, эталоны, символы, характерные для определенной лингвокультуры (Телия 1996, с. 238–239). Для выявления и описания категориальных свойств концептов и для раскрытия культурной семантики слов и фразеологизмов используют методы концептуального анализа (Телия 1996, с. 96–97, ср. Телия 1999).

Телия (1996, с. 96) рассматривает концепт как структуру национального сознания, менталитета народа, который обладает культурно-национальной спецификой. О тесной связи фразеологии с национально-культурной спецификой лингвокультуры описана широко и доказана давно (Телия 1996; Телия 1999). Проблемой соотнесения мира реального (объектов действительности) и мира идеального (концепты и фреймы), а также отражением этого соотнесения в языке (языковая картина мира) занимались многие исследователи, начиная с Э. Сэпира (Sapir 1921) и Б. Уорфа (Whorf 1952) и

заканчивая Н. Д. Арутюновой (1999) и Ю. С. Степановым (1997). Взаимная связь культуры и языка не вызывает сомнений, и любой язык неотделим от культуры. Концептуальная картина мира отражает культурно-национальное своеобразие, и ярче всего это представлено в фразеологии. Каждый язык реализует определенный способ отображения действительности в соответствии с историческим опытом, условиями жизни и культурой данного народа (традициями, бытом, верованиями, представлениями и пр.). Каждый язык при выражении определенных значений оперирует ассоциациями, возникающими на базе уже имеющихся в данном языке понятий, и фразеологизмы, таким образом, воспроизводят менталитет народа (Телия, 1996, с. 236–237).

Одной из задач лингвокультурологии, по мнению Д. Малишевской (1999, с. 182–183), является выявление стереотипов и базовых концептов культуры, транслируемых через поколения в языковых единицах, особенно широко отраженных в фразеологизмах. В результате социальных, исторических и культурных процессов формируются характерные черты менталитета и культурные установки определенной лингвокультуры и происходит их фиксация в языке. Фразеологизмы – это своего рода конечные продукты этих процессов, обладающие большой лингвистической маркированностью, эмотивностью и оценочностью.

В. Г. Гак (1999, с. 260–262) считает желательным и необходимым при рассмотрении фразеологизмов учитывать национально-культурный контекст и использовать методы лингвокультурологического анализа. Национально-культурная специфика фразеологизмов легко обнаруживается при сопоставлении разных языков. Однако Гак (там же) подчеркивает, что при использовании понятия национально-культурное необходимо разделять национальную (объективную и субъективную) и культурную (материальную и духовную) специфики. Иными словами, между культурным и национальным нельзя ставить знак равенства (см. также Брагина 1999). По мнению Гака (там же), несмотря на наличие общечеловеческих культурных слоев фразеология разных языков может значительно расходиться, поскольку в ней отражается национальная специфика лингвокультурной общности. В этом смысле интересно рассмотреть именно соматические фразеологизмы, поскольку соматизмы являются общечеловеческими понятиями и присутствуют во всех языках мира, однако в каждом языке имеется своя национальная специфика.

Подводя итоги, можно сказать, что при лингвокультурологическом подходе в рассмотрении фразеологизмов доминируют идеи культурной трансляции из поколения в поколение и коллективной культурной воспроизводимости (культурные фоновые

знания). Объектом лингвокультурологии также являются фразеологизмы, и поскольку они пополняют сферу концептуализации базовых концептов культуры за счет своего образно-ассоциативного содержания, то предметом лингвокультурологии является именно национальная и культурная специфика фразеологизмов, то есть тех культурных и национальных компонентов, носителями которых являются фразеологизмы. Фразеологизмы способны выполнять роль стереотипов культурного мировидения, его эталонов, обычаев и символов, и в этом качестве, по словам Малишевской (1999, с. 181), «выступают как языковые экспоненты культурных знаков» определенной лингвокультуры и ее национальной специфики. Выявлением национально-культурной специфики через сопоставление фразеологии двух или нескольких языков занимается сопоставительная фразеология, о чем и пойдет речь в следующей главе.

2.1.3. Сопоставительная фразеология

Как было рассмотрено выше (см. главу 2.1.2.), многие фразеологизмы отражают национально-культурное своеобразие в своей внутренней форме, что вызвано особенностями культурного и национального развития народа. Система образов, закреплённая и отражённая в фразеологии, является «нишей» (Телия 1996, с. 215), связанной с культурой определенной языковой общности и свидетельствует о ее культурно-национальной специфике, историческом развитии, опыте и традициях.

Фразеологизмы, как и прочие языковые знаки, обладают кумулятивной функцией, то есть накапливают в себе элементы культуры и истории определенной лингвокультуры (Телия 1996, с. 226). Как было описано выше (см. главы 1.1. и 2.1.2.), в рамках каждой лингвокультуры есть общие фоновые знания и ассоциативные реалии, при помощи которых носители языка способны воспринимать и безошибочно трактовать закодированную в образно-ассоциативной форме информацию фразеологизма, которая, в свою очередь, может быть связана с историческими событиями, характерными для данной лингвокультуры, традициями, бытом и пр. Неносители языка лишены подобных экстралингвистических пресуппозиций и не в состоянии понять специфику образных ассоциаций (см. Малишевская 1999; Гак 1999; Хун 1999).

Как было указано выше (см. главу 2.1.2.), национально-культурная специфика фразеологизмов особенно ярко проявляется при сопоставлении языков. Более того, как справедливо замечает Хун (1999, с. 310), выявление культурно-национальных черт языка возможно только при его сопоставлении с другими языками. Благодаря

сопоставительной фразеологии выявляются сходства и различия в образах, ассоциациях и символах. Хун (1999, с. 309) подчеркивает, что национально-культурная специфика определяется социальными, культурными, а также природными условиями. Русские и шведоговорящие финны живут примерно в одинаковых природных условиях, однако с точки зрения социальных условий и культуры у этих двух народов могут иметься значительные расхождения, так как налицо разная история, условия быта, нравы и принципы морали. Более того, одни и те же предметы и ситуации могут вызывать разные ассоциации. В этом, как считает Хун (1999, с. 306), и заключаются трудности перевода, связанные с передачей смысла фразеологизмов, поскольку они могут быть непривычны для иностранных студентов и нуждаются в дополнительных лингвокультурологических комментариях и пояснениях.

В формировании как шведской, так и русской национально-культурной специфики, большую роль сыграло христианство, и это естественным образом отразилось в языке. Можно предположить, что в обоих языках имеется большое количество схожих символов, стереотипов и метафор, использующихся носителями языка и отраженных в фразеологии (например, в библеизмах). Выявление подобных общих культурных черт (наряду с национальной спецификой) в фразеологии разных языков может способствовать облегчению понимания культурно-национальной специфики обеих лингвокультур (ср. Гак 1999; Телия 1999; Хун 1999). Самобытный характер фразеологии соотносится с внеязыковой действительностью и культурой народа. Без сопоставления на фоне наивной (обыденной) картины мира (Телия 1996, с. 135; с. 152) невозможно увидеть национальную специфику, самобытность народа (Телия 1996, с. 215). Как было описано выше (см. главу 1.1.), фразеология важна и необходима при преподавании языков как иностранных, а знание и понимание фразеологизмов через выявление самобытности, не только обогащает язык учащегося, но и позволяет ему приобщиться к иному мировидению и посмотреть на мир глазами другого народа.

Сопоставление фразеологизмов, по мнению Гака (1999, с. 261), можно проводить в соответствии с алгоритмом, где сначала рассматривается план содержания (внутренняя форма), затем план выражения (внешняя форма), после чего осуществляется соотношение обоих планов. В заключение сопоставляется функционирование фразеологизмов. Гак (там же) подчеркивает, что в отношении плана содержания важно выявить, концептуализируется ли данная ситуация средствами фразеологии в соотносимом языке или нет, поскольку одна и та же семантическая модель (значение, понятие или ситуация) может передаваться и лексемами, и фразеологизмами. К примеру,

русскому фразеологизму *гнуть пальцы* в значении ‘хвастаться, зазнаваться’ нет соответствующего фразеологизма с соматизмом в шведском языке, и данная ситуация обозначается простой лексемой – глаголом *хвастаться* (*зазнаваться, важничать* – в зависимости от контекста и коммуникативных задач). В шведском языке имеется фразеологизм *sätta fingret på ngt* (досл. ‘положить палец на что-либо’) в значении ‘точно определить, понять суть, в чем дело’, в свою очередь, не имеющий фразеологического соответствия с соматизмом *палец* в русском языке. Эти и другие примеры будут подробно проанализированы в практической части (глава 4) настоящей работы.

Итак, подводя итоги, мы можем констатировать, что сопоставительная фразеология очень важна в методике преподавания иностранных языков, поскольку без знания фразеологизмов языка невозможно полноценное общение с носителями языка. Особые трудности могут возникнуть в тех случаях, когда в одном языке для концептуализации определенной ситуации есть фразеологизмы, а в другом – нет. Возможно, у фразеологизма нет фразеологического эквивалента в соотносимом языке, но есть семантические аналоги. Возможно, для концептуализации определенной ситуации используются средства лексикологии, и фразеологизм передается лексемой. Однако порой описываемой ситуации нет никакого соответствия в соотносимом языке, и тогда имеют место концептуальные лакуны. В таком случае требуется более тщательная работа по декодированию информации, представленной в фразеологизме, и придание декодированной информации языковой формы. В общем, наличие безэквивалентной и безаналоговой фразеологии предполагает тщательное изучение национально-культурной специфики фразеологии изучаемого языка. Для правильного понимания фразеологизмов носителям языка необходимо ознакомление с культурой изучаемой лингвокультуры.

2.2. Фразеологизм как лингвистическая единица

В настоящей главе обсуждаются критерии фразеологизма как лингвистической единицы и его основные особенности, по сравнению со словосочетанием и словом, а также кратко описываются отличия фразеологического значения от лексического. Особое внимание уделяется взаимодействию фразеологизмов как базовых единиц фразеологии и слов как базовых категорий лексикологии. Здесь же описываются синтагматические и

парадигматические связи фразеологизмов (синонимия, антонимия и варианты). Мы попытаемся ответить на вопросы: Каковы основные критерии фразеологизма как лингвистической единицы? В чем особенности фразеологизма, в отличие от словосочетания и слова? В чем отличие фразеологического от лексического значения? В завершение обсуждаются фразеологизмы-соматизмы и их семантические особенности.

2.2.1. Критерии фразеологизма как лингвистической единицы

Как было описано выше (см. глава 2.1.), фразеология – особый раздел лингвистики, занимающийся исследованием фразеологического состава языка и его базовых единиц, фразеологизмов. Согласно Алефиренко и Семененко (2009, с. 25–30), категориальными признаками фразеологизмов являются стабильность компонентного состава (постоянство компонентов), устойчивость грамматической структуры, целостность, воспроизводимость, раздельнооформленность (сверхсловность), семантическая эквивалентность слову и непереводаемость. С точки зрения Шанского (1996, с. 22), главным критерием фразеологизма является воспроизводимость, наличие которой обуславливает устойчивость лексического состава, грамматической структуры и целостность значения. В основополагающих работах по фразеологии Виноградовым (Телия 1996, с. 12–13) были выделены основные критерии фразеологизма как лингвистической единицы, а именно: устойчивость, идиоматичность и мотивированность. Именно эти критерии рассматриваются подробно далее.

Под устойчивостью понимается предсказуемость появления компонентов фразеологизма в определенном порядке, постоянство компонентного состава и грамматических категорий. Отсюда выводится признак воспроизводимости в готовом виде (Бабкин 2009; Телия 1996). С идиоматичностью связан процесс образного мышления или ассоциативного переосмысления слов-компонентов в составе словосочетания и постоянство особого целостного значения. Мотивированность – это ассоциативно-образная связь (Телия 1996, с. 38) с обозначаемым значением, лежащим в основе формирования нового переносного значения (подробнее о мотивированности см. в главе 2.3.2). В мотивированности, по мнению Телии (1996, с. 131), отражается критерий слитности, или, по терминологии Виноградова (1977), «невыводимости» значения целого из значений слов-компонентов (см. также Телия 1996, с. 12).

Тесная связь фразеологизма и слова очевидна и единодушно признается учеными (Алефиренко & Семенов, 2009; Бабкин, 2009; Мокиенко, 1999; Телия, 1996; 1999). Их отношения многообразны и содержательны и включают в себя, по заявлению Бабкина (2009, с. 3), как генетические, так и функционально стилистические связи. В результате их взаимодействия языковой фонд, как фразеологический, так и лексический, пополняется новообразованиями большой стилистической выразительности (Бабкин 2009; Телия 1996; Шанский 1996). Слова при соединении друг с другом в речевом акте образуют как свободные, так и несвободные словосочетания. Первые в нашей памяти не сохраняются, поскольку новые обстоятельства коммуникации приводят к образованию новых сочетаний. В несвободных словосочетаниях самостоятельное лексическое значение слов-компонентов ослабевает (Валгина, Розенталь & Фомина 2002, с. 47), «бледнеет» (Бабкин 2009, с. 9) и становится «рассеянным» или «диффузным» (Телия 1996, с. 15). Это, в свою очередь, приводит к тому, что утрачивается соотнесенность с предметом, исчезают номинативные свойства слов-компонентов, а смысл всего фразеологизма практически теряет связь с семантикой каждого слова в отдельности.

Иными словами, словосочетание становится неделимым и воспроизводится в коммуникативном акте как готовая единица (Телия 1996, с. 19). Такого рода устойчиво воспроизводимые сверхсловные (то есть выходящие за пределы слова) и есть фразеологизмы (ср. Бабкин 2009; Валгина, Розенталь & Фомина 2002). Иными словами, фразеологизмы не создаются в процессе коммуникативного акта, а имеются в любом языке именно как готовые единицы. Возьмем, к примеру, фразеологизм *знать что-либо как свои пять пальцев* в значении ‘знать что-либо очень хорошо’. Для передачи этого значения никакие замены в составе фразеологизма невозможны. Например, мы не можем употребить в этом значении сочетание *знать что-либо как свои пять зубов* или *знать что-либо как свои два пальца*. Фразеологизм *знать что-либо как свои пять пальцев* имеет лишь этот вариант, и носители русского языка воспроизводят его именно в этой готовой форме. Аналогично в шведском языке имеется полный эквивалент русскому фразеологизму: *kunna ngt på sina fem fingrar* (досл. ‘знать что-либо на своих пяти пальцах’) в значении ‘досконально знать или уметь что-либо’, где также невозможны никакие замены компонентов, иначе связь будет нарушена, а значение – потеряно.

2.2.2. Отличия фразеологизма от свободного словосочетания и слова

Как было описано выше (раздел 2.2.1), фразеологизмы – это устойчиво воспроизводимые сверхсловные единицы. Фразеологизм, подобно слову, является носителем значения, и в этом смысле может быть эквивалентен слову. Наряду со словом, как смысловой единицей, фразеологизм является смысловой единицей более сложного порядка. Благодаря особой структурно-семантической организации, проявляющейся в устойчивости и воспроизводимости несвободного словосочетания, смысловая целостность фразеологизма выигрывает на фоне убывания, вплоть до полного исчезновения, смысла его отдельных слов-компонентов.

Семантический потенциал как слов, так фразеологизмов велик, и семантическая близость слова и фразеологизма проявляется в их способности окрашивать тот смысл, носителями которого они являются (Бабкин 2009, с. 10). Сравним, к примеру, выражение смысла «ничего не делать» при помощи слова *бездельничать* и фразеологизма *палец о палец не ударить*. Или выражение смысла «обмануть» при помощи слова *надуть* и фразеологизма *обвести вокруг пальца*. В обоих случаях слово и фразеологизм не только называют, но и экспрессивно окрашивают заданный смысл. Однако, как справедливо замечает Бабкин (2009, с. 10), это вовсе не означает, что слово и фразеологизм тождественны с семантической точки зрения. Фразеологизмы отличаются сложностью значения и семантическим богатством.

По степени сочетаемости в языке выделяются два типа значения: свободное и несвободное, или связанное (Валгина, Розенталь & Фомина 2002, с. 8). Связанное значение возникает у слов в определенных условиях, когда компоненты свободного сочетания предопределяют появление друг друга и (синтагматически) обусловлены, и обладает устойчивостью и воспроизводимостью (Телия 1996, с. 25). Такое значение многими исследователями вслед за Виноградовым определяется как особый тип лексического значения, именуемый фразеологически связанным (Валгина, Розенталь & Фомина 2002, с. 8; Телия 1996, с. 17) или фразеологическим (Алефиренко & Семененко 2009, с. 50). Значение такого типа «лишено глубокого и устойчивого понятийного центра» и описывается как «рассеянное» (Телия 1996, с.15).

Фразеологическое значение отличается от лексического значения слова или словосочетания по нескольким параметрам. Во-первых, оно не совпадает с лексическим значением слов-компонентов фразеологизма. Во-вторых, оно, как правило, переносное, вторичное, возникающее на базе первичных, номинативных значений слов в исходных

свободных сочетаниях, где в результате переосмысления или семантического сдвига метафорического, метонимического или сравнительного типа (Телия 1996, с. 81; подробнее о переосмыслении и образности см. в главе 2.3) возникает опосредованная связь с предметом. В-третьих, происходит усиление экспрессивности (оценка, экспрессия, эмоция и стилистическая маркированность) выражаемых наименований, признаков, действий и т.д. (Телия 1996, с. 79) исходного словосочетания, вследствие чего фразеологизмы становятся богаче слов. Сравним, к примеру: *бездельничать – палец о палец не ударить; надуть – обвести вокруг пальца*.

Таким образом, главная особенность фразеологизмов, в отличие от слов и свободных словосочетаний, по мнению Телии (1996, с. 45; с. 106), заключается в том, что фразеологизмы более емкие по своему содержанию, в них мы помимо наименования обозначаемого (номинативная составляющая) даем ему определенную характеристику, окрашивая его экспрессивно (коннотативная составляющая). Кроме того, используя фразеологизмы, мы можем выразить свое отношение к обозначаемому или собеседнику (прагматический потенциал). Наличие экспрессивной окраски и (рациональной и эмотивной) оценки как компонентов коннотации фразеологизмов (Телия 1996, с. 107) связано с тем фактом, что народ, переосмысляя и (пере)именуя обозначаемое, помимо своего понимания всегда выражал свое чувство-отношение. Более того, наличие у фразеологизмов образно-ситуативной мотивированности, связанной с мировидением лингвокультуры, является «основным нервом» культурной коннотации, которая, в свою очередь, является способом воплощения культуры в языковой знак (Телия 1996, с. 216).

Итак, фразеологизмы действуют на нас как слова, то есть они являются носителями определенного смысла в своей целостности. Как было описано выше (см. главу 1.1.), фразеологизмы, как правило, понятны всем носителям определенной лингвокультуры, которые, в свою очередь, не воспринимают их значение буквально, то есть не вычленивают значение каждого из его слов-компонентов. Буквально фразеологизмы обычно воспринимаются теми, у кого (по разным причинам) не хватает фоновых знаний. Несомненно, в эту категорию попадают изучающие язык как иностранный, и, как было описано выше (см. главы 1.1., 2.1.2. и 2.1.3.), фразеологизмы трудны для понимания представителям других лингвокультур. Однако есть и такие носители языка, у которых определенные фразеологизмы могут находиться в так называемой, выражаясь образным языком Алефиренко и Семененко (2009, с. 7), «непросветленной» зоне их языкового сознания и восприниматься буквально, что приводит к искажению смысла. Более того, подчеркивает Алефиренко и Семененко (там

же), далеко не все носители языка могут объяснить содержание тех фразеологизмов, которые они сами используют, и уж тем более вычленив отдельные значения всех слов-компонентов, особенно если речь идет о фразеологизмах-идиомах.

То же самое касается и нас, когда мы сталкиваемся с фразеологизмами на иностранных языках. К примеру, носителю русского языка ничего не говорит шведский фразеологизм *ha gröna fingrar*, в своем буквальном переводе означающий ‘иметь зеленые пальцы’. А между тем он означает примерно ‘быть умелым садоводом, иметь талант к выращиванию растений’. В русском языке его примерным аналогом (в определенных контекстах) может служить фразеологизм *иметь легкую руку*. Для того, чтобы распознать верное значение, а не буквальный перевод данного фразеологизма, носителю русского языка необходимы фоновые знания и принятое в шведоязычной лингвокультуре представление о том, что пальцы тех, кто много работает в саду, окрашиваются в зеленый цвет. Именно поэтому возникают трудности с переводом фразеологизмов, чаще всего их просто невозможно перевести, и поэтому подбирается аналог (какой-то похожий по смыслу фразеологизм или лексема) или дается описательный перевод. Данный факт, по утверждению Алефиренко и Семененко (2009, с. 9; ср. Телия 1996; Телия 1999), в полной мере отражает еще одну важную особенность фразеологизма, а именно: лучшее (в отличие от отдельных слов) отражение самобытности и менталитета отдельной лингвокультуры.

Итак, подводя итоги, мы можем констатировать, что фразеологизм, в отличие от слова и словосочетания, – это несвободное, семантически неделимое словосочетание, которому свойственно постоянство особого целостного значения, компонентного состава, грамматических категорий и определенной экспрессивной окраски, оценочности. Смысловая целостность фразеологизма достигается за счет ослабления лексического значения его слов-компонентов. С точки зрения синтаксической структуры фразеологизм длиннее слова и может выходить за рамки словосочетания и в отдельных случаях достигать уровня предложения.

2.2.3. Парадигматические и синтагматические связи фразеологизмов

По мнению Телии (1996, с. 24–26) совершенно очевидно, что все языковые единицы обладают синтагматическими (линейными) и парадигматическими (ассоциативными) связями. Многие фразеологизмы образуют синонимическую, антонимическую и

вариантную парадигму, и при анализе материала (см. главу 4) синонимичные и варианты формы группировались в единые группы. Как было описано выше (см. главу 2.2.1.), между лексемами (словами) и фразеологизмами существует тесная взаимосвязь и взаимодействие, в результате которых пополняется языковой фонд как фразеологический, так и лексический.

Лексический фонд пополняется за счет вполне естественных процессов семантического преобразования фразеологизмов, а именно: *редукции* и *деривации* (Алефиренко & Семененко 2009, с. 100–108). Суть этих процессов такова: фразеологизмы и слова (лексемы) сближает их функционально-грамматическая близость, что, в свою очередь, приводит к способности фразеологизмов свертываться, редуцироваться, до лексем, т. е. образовывать слова-дериваты (Бабкин 2009, с. 11), например *бить баклуши* и производные слова *баклушник* и *баклушничество*.

Фразеологический фонд расширяется за счет перехода единиц из лексикологического фонда языка, преимущественно путем семантических преобразований обычных свободных словосочетаний и сочетаний слов с синтагматически связанным значением. Более того, фразеологизмы появляются в результате взаимодействия разных дискурсов и перехода жаргонов (см. Мокиенко & Никитина, 1999) и терминов в литературный язык, в процессе заимствований готовых фразеологизмов из других языков, а также путем преобразований (редукции) единиц из паремиологического фонда языка (Алефиренко & Семененко 2009, с. 37–41). Обилие и разнообразие источников возникновения фразеологизмов благоприятствует возникновению и сосуществованию параллельных способов выражения.

Фразеологизмы, так же как и слова, обладают моно- или полисемией. В этой связи Валгиной, Розенталь и Фоминой (2002, с. 49; ср. Алефиренко & Семененко 2009, с. 60–61) выделяются две группы: однозначные (их большинство) фразеологизмы, например в русском языке: *вокруг пальца обвести, на большой палец, как два пальца обоссать, двадцать первый палец* и др. А также многозначные, например: *длинные руки, пальчики оближешь, пальцы веером* и др.

Многозначность фразеологизмов приводит к синонимии, поскольку новые значения способствуют появлению новых семантических связей в кругу фразеологизмов, что приводит к расширению синонимического ряда, например, значение фразеологизма *пальца не подsunешь* ‘безукоризненно, так, что невозможно обнаружить какие-либо недостатки’ позволяет включать его в синонимический ряд с фразеологизмами *комар носу не подточит* и *не подsunешь булавки*. Синонимичность

фразеологизмов – довольно характерная черта развития фразеологического фонда языка. Порой для выражения культурно особо значимых для отдельно взятого народа понятий употребляются десятки фразеологизмов (Бабкин 2009). К примеру, для передачи концепта «обман» в русском языке имеются следующие фразеологизмы: *обводить вокруг пальца, заправлять арапа, втирать очки, заговаривать зубы, морочить голову, замазывать глаза, отводить глаза, обуть на обе ноги, провести за нос, натянуть нос, наклеить нос, наставить нос, приставить нос* и т.д. (СФСРЯ 1987, с. 300).

В фразеологии, так же, как и в лексикологии, наблюдаются структурные модификации фразеологизмов, приводящие к эволюции фразеологического состава языка. Новые фразеологизмы могут образовываться путем контаминации или редукции фразеологизмов. Контаминация (Бабкин 2009, с. 104–105) – это объединение компонентов семантически сходных фразеологизмов, в результате чего происходит образование нового фразеологизма с тем же или сходным значением. При контаминации сохраняется смысловая близость контаминирующего фразеологизма и тождество экспрессии. Причина возникновения контаминации – поиск экспрессии выражения и ослабление лексического значения слов-компонентов фразеологизма. Редукция (там же, с. 46) – устранение некоторых слов-компонентов фразеологизма, приводящая к более компактной и лаконичной форме фразеологизма, что повышает его сочетательную способность и семантическую эволюцию. (Бабкин, 2009, с. 46; с. 104–105, ср. Алефиренко & Семененко, 2009.) Помимо этого с течением времени наблюдается приобретение фразеологизмами большей отвлеченности, и, по мнению Бабкина (2009, с. 186–188), соматические фразеологизмы в этом отношении особо показательны. О них пойдет речь в следующей главе.

2.2.4. Соматические фразеологизмы

Как было описано выше (см. главу 1.1.), соматические фразеологизмы, или фразеологизмы с соматическим компонентом, – это такие фразеологизмы, одним из компонентов которых является название части человеческого тела – соматизм: *рука, нога, голова, палец* и т.п. Соматизмы имеются во всех языках и входят в древнейший пласт лексикологии, где с их помощью образуются наиболее употребительные фразеологизмы. Отличительной чертой соматических фразеологизмов, по мнению Алефиренко & Семененко (2009, с. 40–41), является отождествление частей

человеческого тела с чертами характера и действиями человека посредством метафоризации и метонимизации, а также символизации (подробнее об этом см. главу 2.3.4).

По мнению Бабкина (2009, с. 50), именно соматические фразеологизмы хорошо иллюстрируют семантическую эволюцию фразеологического запаса русского языка. На основе соматизмов сложились и активно функционируют в языке целые серии фразеологизмов. В современном языке они заметно расширяют сферу функционирования и, порывая со своей внутренней формой в процессе переосмысления, приобретают более отвлеченный характер, например сравните: *пальцем не тронуть кого-либо* как свободное словосочетание и как фразеологизм, *тыкать пальцем в кого-либо* как свободное словосочетание и как фразеологизм и т. п. При этом, по справедливому замечанию Бабкина (2009, с. 50), фразеологизмы не задерживают внимания участников коммуникации, чем доказывается привычность их употребления и их усвоенность в современном языке.

Соматизмам присуща особая культурная семантика, своего рода символическая значимость, утвердившаяся в общечеловеческой культуре и преломляющаяся через призму определенной национально-культурной общности. Соматизмы репрезентируют символическое значение и сами становятся символами, например соматизм *рука* в русском языке является символом власти, трудолюбия, умения и т. д. (Алефиренко & Семененко 2009, с. 40–41). Как было описано выше (см. главу 2.1.2.), человек с древнейших времен прибегал к символизации окружающего его мира в процессе (само)познания. Символы наряду с эталонами и иными элементами культурного символярия (Телия 1999, с. 20–21) являются специфическими элементами кодирования культурной информации и обладают культурной семантикой. С соматизмом *палец* в русском и *finger* в шведском языке связана особая жестовая символизация (Григорьева, Григорьев & Крейдлин, 2001), при которой осуществляется переход жестов из невербального в вербальный класс. Процесс символизации жестов отражается в языке, особенно в фразеологическом составе языка (подробнее об этом см. главу 2.3.4.). Фразеологизмы со значением, производным от значения того или иного жеста, называют жестовыми (Козеренко & Крейдлин 1999, с. 269–276), например, русские фразеологизмы *смотреть сквозь пальцы*; *проскакивать сквозь пальцы* и *гнуть пальцы* или шведские фразеологизмы *se mellan/genom fingrarna med ngn/ngt* (досл. ‘смотреть через/сквозь пальцы на кого-либо или что-либо’) и *hålla upp/sätta upp ett finger i luften* (досл. ‘держат/поднять палец в воздух’).

Итак, соматизмы имеются во всех языках, и с их помощью образуются целые ряды фразеологизмов, с помощью которых можно описать практически весь мир человека. В основе соматизмов часто (но не всегда) лежит символика. Жестовая символика соматизмов, вероятно, относится к базовым концептам культуры (многих языковых общностей), и можно предположить, что подобного рода фразеологизмы сходны во многих языках. В практической части настоящей работы целью анализа будет выявление символических признаков в структуре соматизма *палец* в русском и *finger* в шведском языке, а также их последующее сопоставление друг с другом.

2.3. Фразеологическая семантика

В настоящей главе обсуждается фразеологическая семантика, и речь пойдет о внутренней форме, мотивационной (образно-ассоциативной) основе и семантической структуре фразеологизма. Мы попытаемся ответить на следующие вопросы: Каков план содержания фразеологизма как знаковой языковой единицы? В чем особенность организации фразеологического значения? Что такое внутренняя форма, мотивационная основа и семантическая структура фразеологизма? В чем сущность фразеологической образности и переосмысления значения?

2.3.1. План содержания фразеологизмов

Как и прочие языковые знаки, фразеологизмы имеют план выражения (внешняя материальная форма) и план содержания (смысл и внутренняя форма). План выражения касается грамматических форм и конструкций. Поскольку нас интересует лишь фразеологическая семантика и выявление соответствий при сопоставлении двух языков, то информацию о плане выражения мы оставляем в стороне.

Что касается плана содержания фразеологизмов, то, по мнению Алефиренко и Семенов (2009, с. 49–50; ср. Гак 1999), необходимо разграничивать внутреннюю форму (образно-ассоциативное основание), фразеологическое значение и семантическую структуру. Для постижения природы фразеологической семантики необходимо рассматривать фразеологизм от заданного смысла к форме его воплощения, или, в терминологии Алефиренко & Семенов (2009, с. 49), от «денотата фраземы к

денотату прототипа – основы внутренней формы соответствующей фраземы». При этом внутренняя форма является своего рода связующим звеном между значением и обозначаемой ситуацией и определяет национально-культурную специфику фразеологизма (Алефиренко & Семененко 2009, с. 50). Внутренняя форма, как впрочем и остальные компоненты плана содержания, проявляется ярко при сопоставлении языков и здесь возможно как полное, так и частичное (не)совпадение по всем или отдельным параметрам. С одной стороны, внутренняя форма и комплекс значений могут быть сходными, но семантическая структура может различаться набором компонентов, например, в русском языке может использоваться соматизм *пальцы*, а в шведском – соматизм *tumme* ('большой палец'), сравните, например, русский фразеологизм *палец на ладони*, в значении 'неумелый, неловкий работник' и шведский фразеологизм *ha tummen mitt i handen* (досл. 'иметь большой палец посередине руки') в значении 'непрактичный; не в состоянии справиться с определенной [обычно практической] задачей'. С другой стороны, фразеологизмы с одной и той же внутренней формой и сопоставимой семантической структурой могут выражать разные значения, сравните, например, русский фразеологизм *обвести вокруг пальца* в значении 'ловко обмануть, перехитрить кого-либо' и шведский фразеологизм *linda ngn om sitt finger* (досл. 'обернуть, обвести вокруг пальца') со значением 'полностью подчинить своей воле, своему влиянию'.

2.3.2. Внутренняя форма и мотивационная основа фразеологизмов

Под внутренней формой фразеологизма понимается имплицитное содержание, его образно-ассоциативное основание, которое чаще всего не выводится ни из фразеологического значения, ни из лексических значений компонентов фразеологизма. Внутренняя форма является «опосредствованием между фразеологическим значением и значением фразеомобразующей базы» (Алефиренко & Семененко 2009, с. 56). Информация в фразеологизмах может кодироваться разными способами: посредством переосмысления компонентов свободного словосочетания (чаще при помощи метафоры или метонимии), а также посредством активизации фрагментов древних знаний (где происходит взаимосвязь пластов знаний) в отношении жизни человека и воздействия окружающей действительности на человека (Феоктистова 1999, с. 176–178). Под пластами знаний подразумеваются блоки знаний, то есть определенный объем данных о жизни и быту в определенный промежуток времени в определенном месте. И эти знания

передаются из поколения в поколение через язык, поскольку именно язык хранит информацию о ментальном мире человека, то есть как человек постигал, осваивал и познавал мир и осознавал себя и свое место в этом мире (там же).

Мотивированность фразеологизма, или, по терминологии М. Л. Ковшовой (1999, с. 165), его мотивационная информация, – это своего рода образ-картинка, где воображаемое на мгновение становится видимым и осязаемым, поскольку происходит отождествление с основой, мотивирующей фразеологизм. Под мотивацией, в свою очередь, понимаются основания активации определенных знаний или представлений (Феоктистова 1999, с. 177). Иными словами, в процессе мотивации образ или ассоциация, лежащие в основе фразеологизма, на мгновение воспринимаются визуально или телесно. Образно-ассоциативное основание фразеологизмов может быть связано с историческими событиями, характерными для данной лингвокультуры, персонажами, традициями, бытом и пр. Поскольку человек в древности воспринимал окружающую действительность «на уровне памяти тела» (там же, с. 177), органами чувств, то результатом познания мира были представления (предзнания). Образно-ассоциативное основание может быть прозрачным (живым), и тогда содержание фразеологизма ясно и понятно, например, как в русских фразеологизмах *тыкать пальцем в кого-либо, пальцем не пошевелить*. В некоторых случаях образное содержание фразеологизмов затемняется (Мокиенко 1999, с. 154) или нейтрализуется (потухает), поскольку конкретный образ, картинка, отсутствует. В таком случае имеет место не представление, а знание (сведения, которыми располагает человек ввиду мыслительной деятельности) о том, что происходит в реальности (Феоктистова 1999, с. 177).

В зависимости от своей культурной компетенции участники коммуникации соотносят речь с культурными стереотипами, символами, эталонами, концептами, мифологемами и пр., на которые указывает образно-ассоциативное основание фразеологизма. Ковшова (1999, с. 166) называет процесс данного соотнесения культурной интерпретацией образа, в результате которой формируется определенная культурная установка (там же, с. 169). Образно-ассоциативное основание в фразеологизме выступает, по мнению Телии (1996, с. 127), как внутренняя форма вторичного наименования, которое, в свою очередь, передает часть информации о типовом представлении в типовое представление нового наименования (номинация) как образная гештальт-структура, являющаяся стимулом для эмотивности. Участники коммуникации ориентируются и пользуются информацией, извлекаемой из фрейма и его окружения, в зависимости от своих фоновых знаний и культурной компетенции. То есть,

с точки зрения носителя языка данный процесс ориентации в пространстве менталитета, картины мира и специфических национально-культурных установок может быть квалифицирован как интуитивный. Чего нельзя сказать о неносителях языка.

Итак, внутренняя форма фразеологизмов, образно-ассоциативное основание, непосредственно связанная с менталитетом лингвокультурной общности, может строиться на соотнесении первичного и вторичного смыслов (на переосмыслении компонентов фразеологизма или образности), а также на активации представлений или знаний из определенного культурного слоя. Осознание важности мотивационной обоснованности фразеологизмов диктует необходимость исследования образно-ассоциативного основания внутренней формы, то есть ее метафоричности, метонимичности или символичности, о чем речь пойдет в следующей главе.

2.3.3. Переосмысление компонентов словосочетаний и образность фразеологизмов

Основным источником пополнения фразеологического состава языка (помимо пословиц, художественной литературы и иных типов дискурса) являются, как было указано выше (см. главу 2.2.3.), обычные свободные словосочетания. При переосмыслении свободных сочетаний слов внешняя форма, формальная структура, остается неизменной, а семантическая структура подвергается перестройке – переосмыслению.

Как было описано выше (см. главу 2.1.), переосмысление значения входящих в состав фразеологизма компонентов не является обязательным условием. Одни фразеологизмы содержат в своем составе полностью переосмысленные компоненты, другие – лишь частично, с сохранением у некоторых компонентов их свободного значения. Некоторые фразеологизмы не имеют в своей основе реальной ситуации, а строятся на базе образа (см. подробнее об образности в главе 2.3.4.). Фразеологизмы-арго, по утверждению Э.М. Береговской (1999, с. 113), являются показательными типами фразеологизмов, в мотивационной основе которых имеется полное переосмысление значения компонентов. В результате переосмысления фразеологизмов-арго значимая информация выражается не в денотативном, а в культурно коннотативном плане (Телия 1996, с. 235; см. также Телия 1999), так как все имеющие отношение к культуре компоненты информации переосмысляются, например русский фразеологизм *как два пальца обоссать* и шведский фразеологизм *få tummen/fingret ur arslet/röven/åndan* (досл. 'вытащить (большой) палец из жопы/попы/задницы').

Соматизмы, по заявлению В. И. Шаховского и Н. Н. Панченко (1999, с. 287–288), могут использоваться как «доноры» при фразеологизации, причем в разных языках с разной частотой, что говорит о том, что образно-ассоциативный потенциал языков может отличаться. К примеру, способность соматизма *палец* в русском языке и *finger* в шведском языке формировать фразеологизмы и участвовать в процессах переосмысления или семантического сдвига, на первый взгляд, кажется одинаково высокой, о чем свидетельствуют многочисленные жестовые фразеологизмы (Григорьева, Григорьев & Крейдлин, 2001), например, сравните русские фразеологизмы *тыкать пальцем в кого-либо* и *показать кому-либо средний палец* и шведские фразеологизмы *peka finger åt ngn* (досл. ‘указать пальцем на кого-либо’) и *visa finger* (досл. ‘показать палец’) в их лексических значениях и фразеологических. В практической части (см. главу 4) настоящей работы мы постараемся выявить и сопоставить объем образно-ассоциативного потенциала в исследуемых языках. Переосмысление и семантический сдвиг обычно осуществляются тремя основными способами, а именно: посредством метафоризации, метонимизации и символизации.

Метафоризация

Наиболее распространенным механизмом семантического сдвига является метафорическое переосмысление, или метафоризация. При метафоризации осуществляется перенос наименования с одного денотата на другой, по принципу ассоциации на основе реального или воображаемого сходства. Метафорическая фразеологизация выстраивается в «модусе фиктивности *как если бы*» (Телия 1996, с. 111–112) и отражает особенности восприятия человеком окружающего мира по ассоциативным признакам и познания им на этой основе своего внутреннего мира. При помощи метафоризации свободных словосочетаний образуются единицы вторичной номинации – фразеологизмы. Так, например, в результате метафоризации словосочетания на основе реального внешнего сходства возник русский фразеологизм *ломать пальцы* в значении ‘не скрывать чувства горя, отчаяния (выражая его жестами)’ и его шведский аналог *vrida händer* (досл. ‘крутить руки’). В результате метафоризации на основе воображаемого сходства по форме возник фразеологизм *дамские пальчики* в значении ‘презерватив’.

Метонимизация

Фразеологизмы метонимического образования, согласно Алефиренко и Семененко (2009, с. 155–156), соотносятся с определенным объектом номинации по смежным признакам и имеют более тесную связь между значением и прототипом, в отличие от метафорического переосмысления. Кроме того, в создании мотивационной основы фразеологизмов может участвовать *синекдоха*, древнейшее метонимическое отождествление части и целого, например в фразеологизме *пальцем не шевельнуть*, где *пальцы* как неотъемлемая часть целого (руки) замещают самого человека.

Символизация

Как было описано выше (см. главу 2.1.3.), символика играет большую роль в формировании (соматических) фразеологизмов. За многими соматизмами закреплена определенная символика, возможно, поэтому они входят в компонентный состав множества фразеологизмов. Для выявления (скрытой) символики необходимо выделение параметров и характерных черт и свойств, присущих определенному концепту. Разная наполняемость концептов, а также концептуальные лакуны (Телия 1996, с. 136) свидетельствуют о культурно-национальном мировидении лингвокультуры и порой требуют дополнительной работы по их заполняемости (ср. Телия 1999).

Образность фразеологизмов

Многие ученые (Алефиренко & Семененко 2009; Бабкин, 2009; Мокиенко, 1999; Телия 1999; ср. Телия 1996) считают образность основным признаком фразеологизма. Значительная часть фразеологизмов обладает живой образностью, хотя есть и такие, где образность потухшая. Образность, в свою очередь, связывается с экспрессивностью и оценочностью фразеологизма. Живая внутренняя форма означает, что признак, послуживший мотивационным основанием образования фразеологизма, до сих пор ощущается зрительно или осязаемо, это касается в первую очередь фразеологизмов, выражающих пространство (Алефиренко & Семененко 2009, с. 45), например, русский фразеологизм *куда ни ткни пальцем*, а также жестовые фразеологизмы (Григорьева, Григорьев & Крейдлин, 2001), например, русский фразеологизм *гнуть пальцы*.

Выбор образа, в свою очередь, детерминирован, то есть он не произволен, о чем, по словам Н. Г. Брагиной (1999, с. 134), свидетельствуют похожие базовые метафоры, формирующие корпус фразеологизмов в большинстве европейских языков (что, по всей видимости, связано с христианством). Общий культурный компонент прослеживается в

совершенно разных языках в виде дихотомических базовых метафор, например: *верх-низ*, *черное-белое*, *свет-тьма* и пр. (Брагина 1999, с. 134, ср. Малишевская 1999, с. 182), а также в форме базовых стереотипов *материнская забота* и *первая любовь*. Это позволяет предположить, что культурные коннотации переводимы, по крайней мере, частично, и что между культурным и национальным, как уже было указано выше (см. главу 2.1.2.) нельзя ставить знак равенства (Брагина 1999, с. 134; см. также Гак 1999).

2.3.4. Семантика фразеологизмов, построенных на базе жестов

В мотивационной основе фразеологизма может лежать жест, и Козеренко и Крейдлин (1999, с. 269–271) называют такие фразеологизмы жестовыми. При формировании жестовых фразеологизмов осуществляется перевод жестов из одной (невербальной) знаковой системы в другую (вербальную), где тело как физическая материя превращается в тело как носителя атрибутов культуры. В этом смысле человеческое тело, по мнению Козеренко и Крейдлин (1999, с. 274–275), является благодатной почвой, так как имеется возможность зримого телесного образа. Концептуализация жестовых движений находит свое отражение в фразеологическом фонде многих языков, и многие русские фразеологизмы являются дериватами жестов. Козеренко и Крейдлин (там же) рассматривают переход от жеста к соответствующему жестовому фразеологизму как символическое превращение жеста в культурный и языковой знак.

Телесность образа (природная суть жеста) в фразеологизме, по мнению Козеренко и Крейдлин (1999, с. 274–275), порой семантически отходит на второй план, а на первый план выходят смысловые компоненты, описывающие психологическую и культурную функцию жеста. В таком случае сам жест описывает актуальную ситуацию (перформативная функция), в то время как фразеологизм ее толкует (интерпретативная функция), и в этом отображается процесс превращения конкретного физического действия в абстрактное социокультурное действие. Козеренко и Крейдлин (там же) поясняют, что в момент совершения человеком демонстративных действий сами действия «окультуриваются», и между жестами и фразеологизмами могут быть прочные ассоциативные связи, как, например в случае фразеологизма *хлопнуть дверью*. При отсутствии ассоциативных связей структура полностью включает в себя смысл указанного жеста, например, фразеологизм *делать большие глаза* (Козеренко & Крейдлин 1999, с. 269–276; ср. Григорьева, Григорьев & Крейдлин 2001).

3. Метод и материал

В настоящей главе описывается методология, а также приводятся доводы в отношении выбора методов сбора и анализа материала.

3.1. Метод сбора материала

Отбор фразеологических единиц осуществлялся многосторонне и с привлечением разнообразных средств. Основной корпус исследования был получен методом сплошной выборки из современных авторитетных фразеологических, этимологических, двуязычных и толковых словарей русского и шведского языков. В настоящей работе предпочтение отдается расширенной традиционной точке зрения в отношении фразеологического состава языка, и поэтому в корпус исследования отбирались также усеченные пословицы, поговорки и афоризмы. Задачей отбора являлось создать собственный миникорпус, состоящий из 50 фразеологических единиц, подходящих для анализа и содержащих в себе нужный компонент-соматизм. После идентификации и проходки по русским источникам отборка повторялась в шведских источниках, после чего процедура многократно повторялась. После отбора методом сплошной выборки осуществлялась редукция материала на предмет диалектных и устаревших форм, а также средоточие вариантных форм вблизи основного фразеологизма, отличающегося наибольшей употребимостью.

В процессе отбора обнаружилась проблематика отсутствия эквивалента или аналога в русском или шведском языках и появилась необходимость привлечения дополнительных средств. Отбор единиц дополнялся поисками в интернете и в базе Национального корпуса русского языка (многоязыковом и параллельном корпусах). Важным моментом являлась задача компенсировать концептуальные и языковые лакуны, а в некоторых случаях также уловить нюансы семантических различий, и это осуществлялось посредством языкового наблюдения, непрерывного чтения СМИ и неофициальных опросов носителей языка. Особенно плодотворным и целесообразным явилось самоотверженное сотрудничество с целым рядом носителей шведского, нидерландского, немецкого и русского языков. Более того, в процессе проверки и

перепроверки были также использованы фразеологические, двуязычные и толковые словари близкородственных шведскому немецкого и нидерландского языков. В результате описанных процедур был собран миникорпус из более 100 единиц. Объем материала оказался значительным, и встал вопрос о повторной редукции материала. На этот раз ведущим критерием было движение от периферии к ядру корпуса (идиомам), и редукции подверглись фразеологизмы, по своей форме достигающие предложения (например, в русском языке *меж дверей пальца не клади! гены пальцем не раздавишь! Палец – в рот!* и пр., в шведском языке – *Vilket finger man än skär i gör det ont!*), а также словосочетания, в составе которых были компоненты со свободными значениями, синтагматически зависимыми друг от друга (например, в русском языке *растопырить пальцы, щелкать пальцами* в шведском языке *spreta med fingrarna* и т. д.). Целью повторной редукции было ограничить собранный материал и отобрать из него 100 единиц (красивая круглая цифра).

3.2. Анализ материала

После отбора единиц осуществлялся сопоставительный семантический анализ, целью которого было определение многомерного плана содержания фразеологизмов и сопоставление исследуемых языков. В результате проведенного сопоставительного семантического анализа не было достигнуто удовлетворяющего результата, вследствие чего потребовался дополнительный метод анализа, а именно концептуальный анализ.

3.2.1. Сопоставительный семантический анализ

Семантическое сопоставление фразеологизмов целесообразно производить, предварительно построив семантическую классификацию фразеологизмов. Материал исследования необходимо было разбить и сгруппировать единицы в непересекающиеся классы, что возможно осуществить лишь после того, как будет сделано точное и полное семантическое описание всех отобранных единиц, и тогда сопоставляться будут семантические классы и входящие в них соответствующие фразеологизмы.

Сопоставительный семантический анализ предполагает наряду с семантическим анализом выявление сходств и отличий между языками, а также установление

фразеологических соответствий (эквиваленты, аналоги или отсутствие соответствий). Анализ производился в несколько этапов, первым из которых стала внимательная вычитка и фиксация словарного значения каждого фразеологизма, а также поиск лингвокультурологических комментариев и этимологии. Если значение фразеологизма мотивировано, проводился анализ его внутренней формы, а именно что лежит в основе фразеологизма: древние представления, переосмысление, символы, образы и т.д. То есть необходимо было выявить все компоненты плана содержания каждого фразеологизма. Одновременно с этим проводилось предварительное распределение материала по семантическим группам, отдельно по русскому и шведскому языкам.

По завершении семантического анализа началось сопоставление русских и шведских фразеологизмов друг с другом, в процессе которого начали выявляться определенные тематические сходства и различия. Данные наблюдения навели на мысль о тематической классификации. Близкие по семантике фразеологизмы группировались вокруг наиболее знаменательного компонента семантики класса. Семантический анализ с распределением фразеологизмов в тематические, или, по терминологии Телии (1996, с. 239), идеографические поля или группы имеет своей целью, по мнению Е.А. Шенделевой (1999, с. 74–79), выявление и описание универсальной для метафорической картины мира сопоставляемых языков ассоциативно-образных компонентов (образов культуры). В ходе сопоставления образовывались также некоторые закономерности в отношении фразеологического соответствия, например, что есть группа эквивалентных единиц, то есть таких, где в обоих языках совпадает план содержания и имеется нужный компонент-соматизм, группа аналогичных единиц и группа без соответствий.

Словарей, описывающих семантику фразеологизмов в тематических группах или составленных на основании идеографической классификации, довольно немного, и группировать фразеологизмы по данному принципу оказалось на поверку довольно нелегкой задачей. Что касается русского языка, многие идеи в отношении тематического группирования были почерпаны из *Словаря образных выражений русского языка под редакцией В. Н. Телии* (СОБРЯ 1995). В отношении шведского языка большим подспорьем явился *Словарь шведской фразеологии в тематических группах* Р. Петерссон и Г. Шотманна (WSPS 2004).

3.2.2. Концептуальный анализ

Поскольку в результате семантического анализа было выявлено довольно большое количество тематических групп, то встал вопрос о перераспределении фразеологизмов в группы более крупного порядка. В этом отношении представилось наиболее целесообразным провести концептуальный анализ, целью которого было проследить путь концепта, то есть знания об объекте из мира «Действительность», выраженного [языковыми] средствами мира «Идеальное» (Телия 1996, с. 97–98): *палец* в русском языке и *finger* в шведском языке, и выявить его основные характеристики.

Нетрудно догадаться, что обращение к концепту, лежащему в основе, помогает лучше понять образно-ассоциативное основание или мотивированность фразеологизмов. Соматизм *палец* в составе фразеологизмов чаще всего концептуализирует признак подвижности, сравните, например, русские фразеологизмы *пальцем не шевельнуть*; *палец о палец не ударить* и шведский фразеологизм *inte lyfta/röra/kröka ett finger* (досл. ‘не поднять/пошевелить пальцем/не согнуть пальца’).

Итак, что именно характеризует объект из реального мира под названием *палец* в русском языке и *finger* в шведском языке? Каков его концепт? К основным концептообразующим признакам или, по терминологии Малишевой (1999, с. 181), характерологическим свойствам концепта, можно отнести, например, физические и функциональные свойства и состояния, характеристики движения, расположение и т.д. Концептуализация соматизма *палец* в составе фразеологизма может быть, таким образом, достигнута следующими путями: 1) за счет переосмысления физических свойств – признака подвижности (пальцы могут двигаться или быть неподвижными), цвета (пальцы могут быть определенного цвета); размера (пальцы могут быть длинными-короткими), а также локализации (пальцы могут быть на/в нужном-ненужном месте); 2) за счет переосмысления функциональных свойств – использование пальцев в качестве (счетного, наглядного и пр.) инструмента; 3) за счет переосмысления характеристик движений и жестов, исполняемых пальцами (пальцы можно совать в разные места, ими можно указывать на предметы и пр.); 4) за счет переосмысления внешнего воздействия на пальцы (являясь органом тела, пальцы могут испытывать неприятные и болезненные ощущения).

4. Результаты

В настоящей главе представляются результаты проведенного анализа. Фразеологизмы представляются в группах, оформленных в результате проведенного концептуального анализа и выявления основных характерологических свойств концепта «палец». Внутри концептуальных групп имеются тематические подгруппы, а внутри каждой тематической подгруппы фразеологизмы представляются в соответствии с той семантикой, которую они передают, например: *умение, лень, обман, хвастовство* и пр.

Структура семантической классификации носит антропоцентрический характер, так как большинство фразеологизмов описывает человека с разных точек зрения: внутренний мир человека, его чувства, состояния, действия и взаимоотношения с другими людьми и с окружающим миром. Внутри тематических подгрупп описание начинается с фразеологизмов более общего значения к фразеологизмам более частного, конкретного значения. Ввиду сложности классификации некоторые фразеологизмы попадают в маргинальные зоны, на пересечение групп, где связь с семантическим центром группы более или менее свободна.

С целью сохранения обзорности вариантные и синонимические формы даются вместе через косую линию. Варианты значения даются через точку с запятой. Факультативные вариации и примеры даются в квадратных скобках []. Наличие отрицательной частицы (не)/(inte) указывает на антонимичные формы. Для шведских фразеологизмов дается как дословный перевод, так и (при наличии) словарное значение, при отсутствии словарного значения дается аналог (основанный на переводе словарной статьи толкового словаря шведского языка или отслеженный по переводам в национальном корпусе русского языка), для русских фразеологизмов дается словарное значение в соответствии с имеющимися словарями или поиском в интернете.

Исходя из вышеописанных характерологических свойств концепта *палец* представляется возможным классифицировать фразеологизмы корпуса исследования в четыре основных группы по концептообразующему признаку: 1) физические свойства пальцев (подвижность, цвет, размер, локализация); 2) функциональные свойства пальцев (использование в качестве инструмента); 3) характеристики движения пальцев; 4) внешнее воздействие на палец.

4.1. Физические свойства пальцев (подвижность, локализация, длина, цвет)

По результатам анализа данная группа третья по численности (22 единицы), и в ней собраны фразеологизмы, в которых концептуализируются основные физические свойства пальцев: *подвижность, локализация, длина и цвет* пальцев. Традиционно подвижность пальцев связывается со способностью человека выполнять какую-либо работу руками, или по метонимическому переносу, также пальцами, и в первую очередь это касается физического труда. В ассоциативно-образных основаниях фразеологизмов, передающих семантику бездействия и лени, лежат ситуации, указывающие на пассивное состояние, например, стереотипное отсутствие подвижности пальцев или нахождение пальцев в ненужном месте. Если пальцы двигаются, то это говорит о деятельности. Высокая степень подвижности пальцев, а также особый окрас пальцев символизирует сноровку и навык в определенном деле. А вот длина пальцев ассоциируется с преступной деятельностью (воровством). Для выполнения хорошей работы необходимо также, чтобы пальцы были на месте, росли из нужного места и использовались по назначению.

4.1.1. Палец как символ труда (деятельности и бездеятельности)

Пальцы по своим физическим свойствам могут приобретать символику труда и лени, деятельности и бездеятельности. В данной подгруппе представлена следующая семантика: *навык и особая сноровка в деле, бездеятельность, лень и отсутствие инициативы, преступная деятельность (воровство)*.

Подвижность пальцев

Семантика *бездеятельности* и *отсутствия инициативы* концептуализирована средствами фразеологии с использованием соматизма *палец/finger* в обеих лингвокультурах. В русском языке имеется фразеологизм *пальцем не (по)шевельнуть* (СРФ 1998, s.v. *палец*) и его многочисленные варианты: *пальцем не погнуть*; *и пальца не разогнуть/согнуть/поднять и т.п.* (ФРР 2001, s.v. *палец*; БСРП 2007, s.v. *палец*), в значении ‘ничего не делать, не предпринимать’. Однако данный фразеологизм известен не только в русском, но и в других языках. Согласно культурологическому комментарию Мокиенко и Мелерович (в ФРР 2001, s.v. *палец*) он восходит к древней образной модели,

представленной во многих языках, и «отражает универсальную древнюю трудовую символику руки и ее частей». М. Л. Ковшова в своем комментарии (в ФСРЯ 2006, s.v. *палец о палец не ударить*) поясняет, что в данном фразеологизме использование компонентов при описании движения пальца эталонирует минимальность движения, осмысляемого как малейшее проявление деятельности. Данный фразеологизм по мнению Ковшовой (там же) служит ярким примером метонимического замещения, где палец (часть) замещает руку (целое) и где отсутствие малейшего движения приравнивается к бездеятельности. Популяризации фразеологизма в русском языке, согласно Мокиенко и Мелерович (в ФРП 2001, s.v. *палец*), способствовало его употребление в переводе Евангелии от Луки. Шведский фразеологизм *inte lyfta/röra/kröka ett finger* (досл. 'не поднять/пошевелить пальцем/не согнуть пальца') в значении 'ничего не делать' (ОКФ, 2011, s.v. *finger*) также отражает стереотипное представление о полной бездеятельности человека, выраженное через образ отсутствия малейшего движения пальца. Согласно комментарию К. Юхансон (Johanson 2016, с. 92), данный фразеологизм происходит из Библии (Евангелие от Матфея 23:4), где Иисус упрекает фарисеев в том, что они возлагают на плечи народа ноши, при это сами и пальцем не пошевелият. Как в шведском, так и в русском языках фразеологизмы передают стереотипное представление о бездействии и отсутствии инициативы и обладают крайне негативной коннотацией. В обеих культурах отсутствие каких-либо признаков деятельности является основным критерием определения человека как лентяя и бездельника.

Синоним вышеописанных фразеологизмов является русский фразеологизм *палец о палец не ударить* (ФСФ 2008, s.v. *палец*) в значении 'не сделать ни малейшего усилия, чтобы осуществить что-либо', который, согласно лингвокультурологическому комментарию Мокиенко и Мелерович (ФРП 2001, s.v. *палец*), является исконно русским, так как у него имеются просторечные и диалектные варианты: *палец о палец не стукнуть, перст о перст не колонуть и т.п.* В шведском языке для передачи данного значения имеется фразеологизм *inte lägga två strån i kors* (досл. 'и двух травинок не скрестить') в значении 'не прилагать никаких усилий, чтобы сделать что-либо' (ОКФ 2011, s.v. *strå*), который, на русский язык переводится 'пальцем не (по)шевелить' (NSRO 2012, s.v. *strå*). Как видно из примера, в шведских словарях зафиксирован фразеологизм с компонентом *strå* 'травинка', однако меткий глаз носителя шведского языка, подтвержденный поисковым запросом в Гугл, выдает, что в данном значении вместо *strå* может быть использован соматизм *finger*. В основе фразеологизмов, по всей

вероятности, также лежит сходный образ отсутствия малейшего действия пальцев как символа бездействия и отсутствия инициативы.

Наличие *навыка* и *особой сноровки в деле* концептуализируется подвижностью пальцев и имеет большое значение для шведской лингвокультуры. Для передачи данной семантики в шведском языке имеются фразеологизм *göra ngt med flinka fingrar* (досл. ‘делать что-либо быстро и хорошо’) в значении ‘быть ловким и быстрым’ (SAOB 1924, s.v. *finger*) и его структурный вариант *ngn är flink/kvick i fingrarna* (досл. ‘кто-либо шустрый в пальцах’) в значении ‘у кого-либо быстрые и ловкие пальцы’ (OKF 2011, s.v. *flink*). В русском языке подвижность пальцев для передачи данной семантики не получила культурной коннотации. Оба фразеологизма могут быть переданы на русский язык фразеологизмом *живой рукой* (ФСФ 2008, s.v. *рука*) в значении ‘быстро сделать’.

Цвет пальцев

В шведском языке, как и во многих других европейских (как минимум в германских) языках, цвет пальцев получил определенную культурную коннотацию. Шведский фразеологизм *ha gröna fingrar* (досл. ‘иметь зеленые пальцы’) переводится на русский язык ‘цветы ее любят’ (NSRO 2012, s.v. *finger*) и мотивирован представлением о том, что пальцы тех, кто много работает в саду, окрашиваются в зеленый цвет, о чем свидетельствует слово *grön* (‘зеленый’). У лиц с зелеными пальцами любые растения (не только цветы) очень хорошо растут, и данный фразеологизм может быть использован в значении ‘иметь талант к выращиванию растений’ (SO 2021, s.v. *finger*). Хеллсинг, Хеллквист и Халлегрен (Hellsing, Hellquist & Hallengren 2002, s.v. *finger*) в своем лингвокультурологическом комментарии предполагают, что распространению фразеологизма способствовала легенда об итальянском монахе Фра Антонио, отличающемся своими незаурядными способностями в садовом деле. Собратья Фра Антонио тщетно пытались разгадать секрет его садового мастерства, но ничего кроме большого пальца руки зеленого цвета (от регулярной работы с растениями) не смогли увидеть. Поэтому именно зеленый цвет пальца стал считаться символом садового мастерства (Hellsing, Hellquist & Hallengren 2002, с. 90). За цветом пальцев в русской лингвокультуре не закрепилось какой-либо символики. Максимальную близость в выражении прагматического смысла обнаруживает русский фразеологизм *иметь легкую руку* (РФ 2005, s.v. *рука*), для описания того, ‘кто удачно начинает и ведет какое-либо дело’, который мотивирован символизацией руки как удачного начала каких-либо дел, например посадки растений.

Размер пальцев

Черты *вороватости* и *плутовства* передаются в шведском языке фразеологизмом *ha långa fingrar* (досл. ‘иметь длинные пальцы’) в значении ‘быть склонным к воровству’ (ОКФ 2011, s.v. *finger*). В современном русском языке ассоциации с ‘длинными пальцами’ нет, но есть ассоциация с ‘длинными руками’. Фразеологизм *иметь длинные руки* (БСРП 2007, s.v. *рука*) используется в значении ‘вороватый человек’, а также (в своем втором значении) для описания влиятельного, могущественного человека. Образ, лежащий в основе, довольно прозрачен: у кого длинные пальцы или руки, могут запустить их в карманы ничего не подозревающих сограждан, а также далеко (на размер своих длинных рук) распространить свою власть. Согласно лингвокультурологическому комментарию Мокиенко (РФ 2005, s.v. *рука*), данный фразеологизм имеет широкие параллели в других языках и, возможно, является заимствованием-калькой из латыни или из немецкого языка.

Локализация пальцев

Локализация пальцев как концептообразующий признак для передачи семантики деятельности и бездеятельности важна для шведской лингвокультуры. Особый интерес представляет шведский фразеологизм *ha tummen/fingret i arslet/röven/ändan* (досл. ‘иметь палец в жопе/попе/заднице’) в значении ‘ничего не делать’ (SP 2023, s.v. *tummen i röven*). В словарях зафиксированы фразеологизмы с соматизмом *tumme* ‘большой палец’, однако поиск в Гугл выдает, что в данном значении вместо *tumme* может быть использован соматизм *finger*. Фразеологизм *få tummen/fingret ur arslet/röven/ändan* (досл. ‘вытащить палец из жопы/попы/задницы’), в свою очередь, является структурным вариантом вышеуказанного фразеологизма и означает ‘приступить к делу’ (SO 2021, s.v. *tumme*). Указанные фразеологизмы, вероятно, мотивированы представлением о том, что тот, у кого (большой) палец в заднице, ничего не делает (поскольку пальцы заняты другим делом), и, достав палец из задницы, может тут же приступить к делу.

В русском языке имеются сходные ассоциации с *жопой*, однако отличие заключается в том, что тот, у кого руки в жопе или растут из жопы, делает дело плохо, и достав руки из жопы, может делать дело хорошо и правильно. Сравните, например, фразеологизм *у кого-либо руки из задницы/жопы/попы растут, у кого-либо руки под задницу заточены* в значении ‘человек, не умеющий что-либо делать, недотепа’ (СРА 2000, *руки из задницы*) и его структурный вариант *руки из жопы/зада/задницы достать*

(вынуть) в значении ‘начать делать дело правильно; нормально работать’ (Гугл поиск, *руки из жопы/задницы вынуть/достать*).

4.1.2. Пальцы как символ мастерства (умение и знание и их отсутствие)

Пальцы по своим физическим свойствам могут также приобретать символику знания, мастерства и их отсутствия. В данной подгруппе представлена следующая семантика: *мастерство и его отсутствие, знание, умение, а также невежество, некомпетентность и отсутствия мастерства*.

Локализация внутренняя

Концептуализация локализации чего-либо в пальцах или заполнения пальцев целиком чем-либо отражена в обоих языках. Семантика *знания* и *умения* передается шведским фразеологизмом *ngn har ngt i fingrarna/ngt sitter i fingrarna* (досл. ‘что-либо сидит у кого-либо в пальцах’) в значении ‘точно знать, как делать что-либо’ (ОКФ 2011, s.v. *finger*). У данного фразеологизма нет эквивалента в русском языке, и максимальную близость в выражении прагматического смысла обнаруживает русский фразеологизм *рука набита у кого-либо, чья-либо* (ФСФ 2008, s.v. *рука набита*) в значении ‘кто-либо обладает умением, сноровкой, опытом в каком-либо деле, занятии и т. п.’ Семантика *интенсивности* знания или мастерства передается одинаково в русском и шведском языках, сравните фразеологизм *до кончиков пальцев* (БСРП 2007, s.v. *палец*) в значении ‘всем своим существом, целиком и полностью’ и его шведский эквивалент *ända ut i fingerspetsarna* (досл. ‘до самых кончиков пальцев’). Русский фразеологизм, по заявлению Мокиенко (БСРП 2007, s.v. *палец*), является калькой из французского языка *jusqua’au bout des doights* (‘до кончиков пальцев’).

В русском языке имеется фразеологизм, в котором *палец* ассоциируется с чем-либо выдуманным, *высасывать (высосать) из пальца* в значении ‘выдумать, сказать что-либо без всяких оснований’ (ТСШ 2008, s.v. *палец*). Согласно *Словарю русской фразеологии* (СРФ 1998, s.v. *палец*, см. также РФ 2005, s.v. *палец*; ФРР 1997, s.v. *палец*) данный фразеологизм является исконно русским выражением и мотивирован нервной привычкой грызть ногти в раздумье. Однако, судя по словарной статье *Академического словаря* (SAOB 1924, s.v. *finger*), в шведском языке имелся фразеологизм (*†*) *suga ngt (ut)av/(ut)ur fingrarna/sina fingrar/egna fingrar* (досл. ‘высасывать что-либо из пальцев/из

своих пальцев/собственных пальцев’) в аналогичном значении, который, однако, вышел из употребления в 18 веке. Более того, эквиваленты русского фразеологизма имеются в современных близкородственных шведскому языках: в нидерландском *iets uit zijn duim zuigen* (досл. ‘высосать что-либо из своего большого пальца’) в значении ‘что-либо выдумывать, брать с потолка’ (WNZ 2009, s.v. *duim*) и в немецком *sich etwas aus den Fingern saugen* (досл. ‘высосать себе что-либо из пальцев’) в этом же значении (WSPS 2004, s.v. *aus den Fingern saugen*). Согласно авторитетному словарю немецкого языка (Duden 2008, s.v. *aus den Fingern saugen*), данный фразеологизм, возможно, происходит из распространенного в древности поверья о том, что через сосание пальца, предварительно смоченного в крови или «волшебной жидкости», человеку передается мудрость. На шведский язык как русский, так и нидерландский и немецкий фразеологизмы переводятся фразеологизмом *gripa ngt ur luften* (досл. ‘выхватить что-либо из воздуха’) (WNZ 2009 s.v. *duim*; WSPS 2004, s.v. *aus den Fingern saugen*; NSRO 2012, s.v. *высосать*) в значении ‘выдумать, утверждать что-либо без оснований’ (OKF 2011, s.v. *luft*), который, в свою очередь, на русский язык переводится фразеологизмом *взять что-либо с потолка* (NSRO 2012, s.v. *gripa*) в значении ‘утверждать что-либо без достаточных оснований, не будучи уверенным, создавать представление о чем-либо’ (ФСРЯ, 2006, s.v. *взять с потолка*). В данном случае можно сказать, что порой, то, что выдается за исконно русское, является интернациональным. И это, по словам Мокиенко (1999, с. 5), ловушка для фразеологов и фразеолографов, с которой надо считаться.

Локализация внешняя

Важным качеством для шведской лингвокультуры считается *четкость* и *аккуратность*, где также прослеживается концептуализация локализации пальцев. Особый интерес представляют шведские фразеологизмы, не имеющие эквивалентов в русском языке. Фразеологизм *sätta fingret på ngt* (досл. ‘положить палец на что-либо’) в значении ‘точно определить, понять суть, в чем дело’ (NSRO 2012, s.v. *finger*), а также его структурный вариант *sätta fingret på en öm punkt/den ömma punkten* (досл. ‘положить палец на болезненное место/болезненную точку’) в значении ‘определить слабое место, выявить недостаток’ (SO 2021, s.v. *finger*). Можно предположить, что в образно-ассоциативном основании фразеологизмов лежит представление о максимально точном (попадание в толщину пальца) определении местоположения на старых картах или о древней технике чтения ведением и тыканием пальца в слова. Для четкого определения ситуации и выявления

того, как будет складываться обстановка, в шведском языке имеется еще один фразеологизм *hålla upp/sätta upp ett finger i luften* (досл. ‘держать/поднять палец в воздух’) в значении ‘выявить ситуацию, узнать, что происходит’ (OKF, 2011, s.v. *finger*). Данный фразеологизм мотивирован старым обычаем проверки погодных условий при помощи поднятия (наклюявленного) указательного пальца в воздух и определения направления ветра (WSPS 2004, s.v. *hålla upp/sätta upp ett finger i luften*).

Семантика *мониторинга ситуации* представлена в обоих языках. В шведском языке имеется фразеологизм *ha/sätta/hålla fingret på ngn puls*. В русском языке имеется аналогичный фразеологизм *держатъ руку на пульсе* (ТСК б.г., *пульс*) в значении ‘быть в курсе происходящих событий, следить за их развитием’. Фразеологизм, вероятно, мотивирован метафорическим переосмыслением медицинского понятия *пульс*. Врач измеряет пульс, т. е. частоту сердцебиения, например, прикладывая свои пальцы на запястье пациента. Регулярным прикладыванием пальца на пульс (на нужное месте), обеспечивается мониторинг ситуации, так как пульс является важным показателем состояния здоровья пациента.

Семантика *невежества и некомпетентности* в общем широко представлена в русском языке, например, фразеологизм (*попасть/попадать*) *пальцем в небо* (ТСШ 2008, s.v. *палец*) в значении ‘сказать невпопад, совершенно не к месту; ошибиться’ используется для ироничного описания невежи. Данный фразеологизм, вероятно, мотивирован развенчиванием древнего представления о небе как о тверди, которую якобы можно было потрогать (попасть) пальцем, и насмешкой над теми, кто продолжал верить в это древнее представление (КПР 2023, s.v. *попасть пальцем в небо*). На шведский язык он переводится фразеологизмом *vara ute och cykla* (досл. ‘кататься на велосипеде’) в значении ‘ошибаться по полной’ (NSRO 2012, s.v. *палец*). Фразеологизм *ни в зуб ногой, ни в жопу пальцем* в значении ‘совершенно ничего (не знать, не понимать и т. п.)’ (ФСФ 2008, s.v. *ни в зуб ногой*) является структурным вариантом фразеологизма *ни в зуб [ногой] [толкнуть]*, образ которого, по одной из версий, связан с детской забавой 19 в. – подведением большого пальца ноги ко рту и подтруниванием над тем, кто этого не мог сделать (РФ 2005, s.v. *зуб*). В отличие от русского, в шведском языке соматизм *палец* не получил подобных культурных коннотаций, и максимальную близость в выражении прагматического смысла в данном случае обнаруживает фразеологизм *inte fatta ett dyft* (досл. ‘ничего не смыслить’) в значении ‘совершенно ничего не понимать’ (SO 2021, s.v. *dyft*).

Фразеологизм *палец на ладони* используется в русском языке для описания неумелого, неловкого работника (БСРП, 2007, s.v. *палец*). В шведском языке имеется частичный эквивалент, где семантика *неумения* передается близким соматизмом, а именно *tumme* ('большой палец') *ha tummen mitt i handen* (досл. 'иметь большой палец посередине руки') в значении 'непрактичный; не в состоянии справиться с определенной [обычно практической] задачей' (ОКФ 2011, s.v. *tumme*; SAOB 1924, s.v. *tumme*). Следует заметить, что в большом русско-шведском и шведско-русском словаре фразеологизм *ha tummen mitt i handen* переводится фразеологизмом с соматизмом *рука* 'у кого-либо руки не из того места растут' (NSRO, 2012, s.v. *tumme*). В данных фразеологизмах отображено представление о том, что если руки или пальцы как части руки не справляются с работой, то это значит, что человек не может осуществлять какую-либо деятельность. Эти фразеологизмы характеризуют человека с отрицательной стороны, указывая на его неуклюжесть и неприспособленность к практическому труду, что, в свою очередь, может вызвать у окружающих антипатию.

4.2. Функциональные свойства пальцев

По результатам анализа данная группа вторая по численности (24 единицы), и в ней собраны фразеологизмы, отражающие символику пальца как универсального инструмента. Пальцы по своим функциональным свойствам могут приобретать инструментальное значение. Пальцы у каждого всегда при себе, и поэтому их легко использовать в качестве наглядного, счетного, мерного, инструмента удовлетворения или иного рода инструмента. При помощи пальцев было легче запоминать, считать и объяснять. Если есть проблемы в интимных отношениях, то всегда можно использовать пальцы. Деньги и удача ускользают как вода или песок через пальцы, как через сито. Пальцами можно что-либо заткнуть и на них можно даже летать.

4.2.1. Палец как счетный или наглядный инструмент

Пальцы можно использовать как счетный и наглядный инструмент для (само)обучения и объяснения, для счета и угадывания. В данной подгруппе представлена семантика (*досконального*) знания и умения, объяснения, а также *небольшого количества*.

Семантику (*досконального*) знания и умения также можно увидеть в обоих языках: шведский фразеологизм *kunna något på sina fem fingrar* (досл. ‘знать что-либо на своих пяти пальцах’) в значении ‘досконально знать или уметь что-либо’ (ОКФ 2011, s.v. *finger*) и его русский эквивалент *знать что-либо или кого-либо как свои пять пальцев* в значении ‘очень хорошо, досконально; во всех подробностях’ (ФСФ 2008, s.v. *как свои пять пальцев знать*) являются полными эквивалентами и, по всей вероятности, имеют общее происхождение. Согласно лингвокультурологическому комментарию Хеллсинг, Хеллквист и Халлегрен (Hellsing, Hellquist & Hallengren 2002, s.v. *finger*), данные фразеологизмы отображают древнюю мнемотехнику для запоминания информации о месяцах, днях и парадигм спряжения и склонения латыни по костяшкам и фалангам пальцев. Возможно предположить, что схожий образ лежит и в основе русских фразеологизмов *объяснять на пальцах* в значении ‘растолковывать кому-либо что-либо просто и доступно’ (БСРП 2007, s.v. *палец*) и *как по пальцам* в значении ‘со всеми подробностями, точно и ясно’ (ФСФ 2008, s.v. *как по пальцам*), не имеющих фразеологических аналогов в шведском языке.

Для описания *небольшого количества* во фразеологии как русского, так и шведского языков имеются следующие примеры: *по пальцам перечесть можно кого-либо/что-либо* (ФСШ 2008, s.v. *палец*) или *пересчитать/сосчитать* (ФСФ 2008, s.v. *по пальцам можно пересчитать/сосчитать*) в значении ‘очень немного, мало (о числе кого-либо или чего-либо), так что легко перечесть, назвать’ и шведский эквивалент *ngra kan räknas på ena handens fingrar/kunna räkna ngt på ena handens fingrar* (досл. ‘кого-либо или что-либо можно пересчитать по пальцам одной руки’) в значении ‘(чего-либо или кого-либо так мало, что) по пальцам можно пересчитать’ (NSRO 2012, s.v. *палец*). В данных фразеологизмах лежащий в основе образ прозрачен, и соматизм выполняет функцию доступного счетного инструмента.

4.2.2. Палец как инструмент удовлетворения

Пальцы можно использовать как инструмент (само)удовлетворения. В данной подгруппе представлена довольно интересная и интригующая семантика *интимных отношений*, одинаково представленная в шведском и русском языках.

В русском языке аргумент мужской половой орган имеет множество наименований, в том числе имеется фразеологизм *двадцать первый палец* (БСРП 2008, s.v. *палец*).

Согласно *Словарю русской брани* (2004), данный фразеологизм образован в результате метонимизации и, по всей вероятности, мотивирован уподоблением мужского полового органа (большому) пальцу, которому, после подсчета пальцев обеих рук и ног, был присвоен номер 21. Аналогичного фразеологизма с компонентом *палец* в шведском языке нет, однако, мужской половой член передается простым словом *finger* (FO 2023, s.v. *finger*) и производным от него сложным словом *köttfinger* (досл. ‘плотский палец’). Русский фразеологизм *пробовать пальчик* (БСРП 2008, s.v. *палец*) в значении ‘заниматься лесбийской любовью’ и шведский фразеологизм *spegla fingret* (досл. ‘зеркалить палец’) в значении ‘женский онанизм’ (FO u.å., s.v. *finger*), по всей вероятности, мотивированы образом пальцев как средства (само)удовлетворения. Фразеологизм *дамские пальчики* (БСРП 2008, s.v. *палец*) в значении ‘презерватив’, по всей вероятности, мотивирован метафорическим образом, по типу сходства формы дамского пальца и презерватива. В отличие от русского, в шведском языке похожей ассоциации с дамскими пальцами нет.

На периферии групп, отражая концептуализацию функционального свойства пальцев, находится использование пальцев как инструмента удовлетворения, и выражая одновременно *умение-неумение, глупость, невежество, гордость и превосходство*, фиксируются следующие фразеологизмы. Для шуточного описания человека, который разбирается в чем-либо и умеет делать дело не хуже других, в русском языке имеется фразеологизм *не пальцем деланный* (БСРП 2007, s.v. *палец*). Данный фразеологизм мотивирован образом мужчины-импотента, не способного донести сперму до женщины естественным способом и использовавшего палец со спермой для зачатия. Считалось, что дети, зачатые таким способом, то есть *деланные пальцем*, отличались от детей, зачатых естественным образом (SB 2023, s.v. *пальцем деланный*). В шведском языке подобной ассоциации с пальцем, зачатием и последующими способностями человека нет, однако максимальную близость в выражении прагматического смысла обнаруживает фразеологизм *inte född i farstun* (досл. ‘не родившийся в прихожей’) в значении ‘неглупый человек, соображает, умелый’ (SO 2021, s.v. *farstu*). Следует заметить, что на русский язык шведский фразеологизм, в свою очередь, переводится выражением ‘он не так уж и глуп, он не вчера родился’ (NSRO 2012, s.v. *farstu*). Противоположными по значению являются фразеологизмы-антонимы: русский *не пальцем деланный* (БСРП 2007, s.v. *палец*) в значении ‘растяпа, наивный, неразумный человек’ и шведский *född i farstun* (досл. ‘родившийся в прихожей’) в значении ‘глупый, неразумный человек, растяпа’.

4.2.3. Палец как измерительный инструмент и мера сравнения

Несомненно, пальцы можно использовать как измерительный инструмент, при помощи которого можно сравнивать разные вещи. В данной подгруппе собраны фразеологизмы с семантикой *сравнения*, *невежества* и *глупости*, а также *гордости* и *превосходства*.

Семантика *сравнения* и *невежества* представлена русским фразеологизмом *сравнить жопу/хуй с пальцем* в значении ‘сравнить какие-либо несравнимые вещи’ (СРА 2000, s.v. *жопа*). В образе данного фразеологизма, по всей вероятности, актуализируется эталонность *пальца* как малого в противовес *жопе* (или *хую*) как эталона большего. В шведском языке ситуация сравнения несравнимых вещей также концептуализируется средствами фразеологии, однако, ассоциации с пальцем нет, и используется иной образ, где сравнение передается при помощи концептуализации разных по форме, цвету и вкусу объектов, например, фразеологизмом *jämföra äpplen och/med päron* (досл. ‘сравнить яблоки с грушами’) в значении ‘сравнить несравнимые вещи’ (ОКФ 2011, s.v. *äpple*).

Семантика *глупости* передается русским фразеологизмом *у кого-либо два пальца лобик* в значении ‘глупый, недоразвитый человек (чаще всего большой, сильный, выполняющий грубую работу)’ (СРА 2000, s.v. *два пальца лобик*; БСРП 2007, s.v. *лоб*). В данном случае, мотивация, по всей вероятности, основана на измерении лба при помощи пальцев и представлении об узком (в два пальца) лбе, что указывает на скудные умственные способности. Данный фразеологизм не имеет фразеологических аналогов в шведском и переводится примерно *dumbom* (‘недотепа’), *ricko* (‘дебил’) (NSRO 2012; s.v. *дебил*; *недотепа*).

Семантика *гордости* и *превосходства* представлена в русском языке фразеологизмом *и пальца не стоит* (БСРП 2007, s.v. *палец*) в значении ‘значительно уступать кому-либо во всем’, где *палец* служит мерилем чего-либо незначительного, и вместо *палец* в русском языке часто употребляется соматизм *мизинец*, вероятно, для усиления образа ничтожности. Согласно лингвокультурологическому комментарию (в СРФ 1998, s.v. *мизинец*), данный фразеологизм, вероятно, мотивирован древними ритуальными традициями и обрядами у некоторых народов, при которых отсекались мизинцы или другие пальцы, но он может также восходить и к Библии. На шведский язык переводится фразеологизмом *inte ens värd att knyta dina skosnören* (досл. ‘не достоин даже завязывать шнурки на чьих-либо ботинках’) (NSRO 2012, s.v. *мизинец*).

4.2.4. Палец как иной инструмент

Человеческой фантазии нет предела, и пальцы можно использовать как иной инструмент, например, как катушку для ниток, ими можно затыкать что-либо или через них можно пропускать что-либо. В отдельных случаях можно даже использовать пальцы как транспортное средство. В данной подгруппе собраны фразеологизмы с семантикой *лукавства и обмана, ускорения движения, а также транжирства, утраты и неудачи.*

Семантика *лукавства и обмана* представлена в обоих языках и передается в русском языке фразеологизмом *обвести вокруг пальца* в значении ‘ловко, хитро обмануть, перехитрить, одурачить кого-либо’ (ФСФ 2008, s.v. *обводить*), а в шведском языке фразеологизмом *linda ngn om sitt finger* (досл. ‘обернуть, обвести вокруг пальца’) со значением ‘[обернув кого-либо вокруг пальца] полностью подчинить своей воле, своему влиянию’. В данном случае выявляется неполная эквивалентность значения при структурной и образной эквивалентности.

Фразеологизация *обмана* более характерна для русского языкового сознания, наряду с основным фразеологизмом *обвести вокруг пальца* имеются и варианты: *окрутить вокруг пальца, обойти кругом пальца, прогулять вокруг пальца* (ФСРЯ 2001, s.v. *палец*) в значении ‘обмануть, перехитрить, одурачить кого-либо’. Выражение возникло на основе устаревшего фразеологизма *вокруг/около пальца обмотать* в значении ‘сделать дело скоро и скоро’ (ФСФ 2008, s.v. *обвертеть*). Быстрый и ловкий обман здесь метафорически уподобляется быстрому наматыванию нитки на палец, который в данном случае уподобляется катушке для наматывания нити. В русском языке фразеологизм известен с 18-го века и, вероятно, это калька с немецкого языка *im den [kleinen] Finger wickeln konnen* (досл. ‘смочь обмотать вокруг пальца/мизинца’) в значении ‘ловко обмануть’, в основе которого лежит образ безвольного человека, которого можно легко и быстро обмануть – с такой же быстротой и легкостью, с какой вокруг пальца обматывают нитку (ФРП 1997, s.v. *палец*). На шведский язык он переводится глаголами *lura* или *dupera ngn* (досл. ‘обманывать, дурачить кого-либо’) или фразеологизмом *dra ngn vid näsan* (досл. ‘тянуть кого-либо за нос’) (NSRO 2012, s.v. *обвести*), который в свою очередь переводится на русский язык фразеологизмом *водить кого-либо за нос* в значении ‘обманывать, вводить в заблуждение, обычно обещая что-либо и не выполняя обещанного’ (ФСФ 2008, s.v. *водить за нос*).

Шведский фразеологизм *linda någon kring sitt finger* (досл. ‘обернуть кого-либо вокруг пальца’) в значении ‘оказывать большое влияние и получать желаемое от кого-либо’ (SO 2021, s.v. *finger*) находится на периферии семантических полей *лукавство* и *превосходство* и служит для описания излишней доверчивости и податливости человека. В основе, вероятно, также метафорическое уподобление мягкости и податливости характера человека нити, которую можно обернуть вокруг пальца без особых усилий. Однако данный фразеологизм используется, когда кто-либо контролирует и подавляет кого-либо не столько силой, сколько обаянием – и тем самым эксплуатирует слабости другого. В данном случае русским аналогом является фразеологизм *вить веревки из кого-либо* (NSRO 2012, s.v. *вить*) в значении ‘распоряжаться кем-либо по собственному усмотрению, подчинив всецело своей воле’ (ФСФ 2008, s.v. *вить*).

Транжирство в одинаковой мере значимо для обеих культур и представлено аналогичными по значению, образу и структуре фразеологизмами: в русском языке имеется *пропускать сквозь пальцы* ‘растрчивать попусту (деньги, капитал), упускать что-либо по невнимательности’ (БСРП 2007, s.v. *палец*) и *плыть/уплывать/уходить/проходить между пальцами* (БСРП 2007, s.v. *палец*) в значении ‘быстро и незаметно расходоваться, тратиться (о деньгах)’. В шведском языке имеется фразеологизм *pengarna rinner mellan fingrarna på ngn* (досл. ‘деньги текут между пальцами у кого-либо’) (ОКФ 2011, s.v. *finger*). Все эти фразеологизмы, по всей вероятности, мотивированы образом пальцев, через которые что-либо пропускается как песок или вода. Пальцы в таком случае уподобляются кухонному инструменту, ситу или дуршлагу. Данный образ как в русском, так и в шведском языках также связывается с семантикой *утраты*. Так, к примеру, второе значение фразеологизма *пропускать сквозь пальцы* (ФСФ 2008, s.v. *пропускать*) ‘упускать возможность воспользоваться чем-либо’, а значение его структурного варианта *ускользать из-под/промеж пальцев/между пальцами* (ФСФ 2008, s.v. *ускользать*) ‘утрачиваться для кого-либо или не доставаться кому-либо’. В шведском языке имеется *släppa ngt ur händerna* (досл. ‘выпустить что-то из рук’) для выражения утраты или потери, а также *falla/glida/gå/rinna ur händerna* (досл. ‘падать/скользить/уходить/утекать из рук’) в значении ‘потерять право обладания чем-либо; упускать возможность’ (ОКФ 2011, s.v. *hand*). Образ физической утраты читается в фразеологизме *проскакивать между пальцами* (ФСФ 2008 s.v. *проскакивать*) в значении ‘ускользать, быстро и незаметно убежать, исчезать’.

Пальцы как транспортное средство концептуализируются в русском фразеологизме *летать на пальцах* в значении ‘иметь очень высокое самомнение,

смотреть на все свысока' (CPA 2000, s.v. *летать на пальцах*). Возможно, данный фразеологизмом мотивирован образом нового русского, пальцы которого усыпаны перстнями, вследствие чего пальцы растопыряются до такой степени, что на них можно летать. В шведском языке мы находим фразеологизм с несколько иным образом, где также имеется ассоциация с транспортировкой, однако она осуществляется в водной стихии и без участия пальцев *flyta ovanpå* (досл. 'плыть по поверхности') в значении 'мнить себя лучше других' (SO 2021, s.v. *flyta*), в свою очередь, переводящийся на русский язык фразеологизмом *скользить по жизни* (NSRO 2012, s.v. *flyta*).

В шведском языке имеется интересный фразеологизм, где шуточный образ пальцев как транспортного средства строится на игре слов. Фразеологизм *stoppa tummen/fingret i arslet/röven/ändan* используется для шуточного описания взрослых, использующих мопед в качестве транспортного средства. Фразеологизм мотивирован шуткой, когда при отказе подвезти на автомобиле советуется «засунуть большой палец в жопу и ехать на локте» (SP 2023, s.v. *tummen i röven*). Со злорадством утверждается, что человек на мопеде слишком беден, чтобы иметь машину, или слишком неумел или ленив, чтобы работать, и поэтому вынужден прибегать к локтю. Здесь обыгрывается само слово *локоть*, по-шведски *arm-båge*, где *arm* означает 'бедный', а *båge* 'дуга', но в разговорном сленге означает 'велик, мопед'. Получается, предлагается ехать на 'бедной дуге = бедном мопеде или велике' В русском языке имеется близкий по структуре и семантике (*ускорения движения*) шуточный фразеологизм *два пальца в жопу и скачками* в значении 'очень быстро идти' (БСРП 2007, s.v. *палец*). Чем мотивирован данный фразеологизм, трудно сказать, но можно предположить, что он имеет схожий образ со вышеописанным шведским фразеологизмом или ассоциацией с внезапным поносом и необходимости заткнуть анальное отверстие двумя пальцами – и скачками в туалет.

4.3. Характеристики воздействия на палец

По результатам анализа данная группа самая малочисленная (16 единиц), и в ней собраны фразеологизмы, образ которых основывается на концептуализации разного рода воздействия на пальцы. По пальцам можно преднамеренно ударить, на пальцы можно наступить, их можно непреднамеренно обжечь или поранить каким-либо иным способом. Более того, их можно рефлекторно чесать или облизывать. Пальцы при этом являются объектом воздействия (пациенсом).

4.3.1. Преднамеренное (силовое) воздействие на палец

Преднамеренное воздействие на палец связано с применением силы в отношении пальца, и в данной подгруппе представлена следующая семантика: *давления и притеснения, ущемления прав, интересов личности, критики и уличения.*

Для обозначения *давления и притеснения* в шведском языке служит такой фразеологизм, как *se ngn på fingrarna* (досл. ‘смотреть кому-либо на пальцы’) в значении ‘пристально наблюдать за кем-либо’ (SAOB 1924, s.v. *finger*), в котором содержится указание на отсутствие возможности человека действовать свободно ввиду пристального контроля за движениями его пальцев. Возможно, фразеологизм мотивирован образом карточного игрока, за движениями пальцев которого необходимо следить, чтобы он не мухлевал в игре. В русском языке подобной ассоциации с необходимостью контроля за пальцами нет, но имеется фразеологизм со схожим, более общим, образом, где контроль осуществляется за любыми действиями и телодвижениями человека *не спускать глаз с кого-либо* в значении ‘не оставлять без присмотра, без постоянного наблюдения, без контроля кого-либо или что-либо’ (ФСФ 2008, s.v. *спускать*).

Для выражения *ущемления прав, интересов личности* в русском языке имеется фразеологизм *наступать (наступить) на пальцы* в значении ‘грубо обижать кого-либо; ущемлять чьи-либо интересы’ (ФСФ 2008, s.v. *наступать*). В шведском имеется эквивалент с соматизмом *tå* (‘палец ноги’) *trampa ngn på tårna* (досл. ‘наступить кому-либо на пальцы ног’) в значении ‘оскорбить, обидеть кого-либо’ (SO 2021, s.v. *tå*). В основе обоих фразеологизмов лежит образ, связанный с дискомфортом человека. Следует заметить, что фразеологизм *trampa ngn på tårna* переводится на русский язык фразеологизмом *наступить кому-либо на больную мозоль* (NSRO 2012, s.v. *tå*).

Семантика *критики и уличения* передается в шведском языке фразеологизмом *slå ngn på fingrarna* (досл. ‘ударить кого-либо по пальцам’) в значении ‘уличить в незнании, неправильности’ (SO 2021, s.v. *finger*). Следует заметить, что второе значение данного фразеологизма ‘презойти кого-либо в чем-либо’ (OKF 2011, s.v. *finger*). Фразеологизмы *få smäll på fingrarna* (досл. ‘получить шлепок по пальцам’) и *ge någon smäll på fingrarna* (досл. ‘дать кому-либо шлепок по пальцам’) в значении ‘уличить кого-либо в чем-либо или быть уличенным в чем-либо’ (SO 2021, s.v. *finger* и *smäll*). В русском имеются частичные эквиваленты с соматизмом *рука получить по рукам* и *дать кому-либо по*

рукам в значении ‘решительно пресекать какие-либо злые действия, поступки, намерения’ (ФСФ 2008, s.v. *дать; получить*). Данные фразеологизмы, по всей вероятности, мотивированы старомодным представлением о родителях или учителях в школе, наказывающих детей при уличении в нарушении правил или для предотвращения несанкционированных действий. Данный образ (правда, с усилением), возможно, лежит и в основе русского фразеологизма *раз по пальцам два по яйцам* для выражения критики и описания неумелого, неловкого работника или музыканта (БСРП, 2007, s.v. *палец*).

4.3.2. Непреднамеренное воздействие на палец

Непреднамеренное воздействие на палец связано с неосторожностью, неудачей, оплошностью в отношении пальца, и в данной подгруппе представлена следующая семантика: *заблуждения, неудачи, легкости выполнения дела, алчности, нахальства*.

Для передачи семантики *заблуждения, неудачи* в шведском языке мы находим фразеологизм *bränna fingrarna* (досл. ‘обжечь пальцы’) со значением ‘сделать что-либо, что само себя наказывает’ (ОКФ 2011, SAOB 1924, s.v. *finger*). В русском языке имеется тождественный по структуре и образу фразеологизм *обжечь себе пальцы на чем-либо* в значении ‘потерпеть неудачу, поплатиться чем-либо при попытке сделать что-либо, добиться чего-либо’ (ТСУ 1939, s.v. *обжечь*). В основе образа данных фразеологизмов, вероятно, лежит представление о последствиях неосторожного обращения с огнем или горячими предметами, где имеет место метонимическое уподобление части целому, а именно палец замещает человека, а физическая боль от ожога является отражением душевных страданий, ставших следствием заблуждения, оплошности или неосторожности.

Семантику *простоты, легкости выполнения какого-либо дела* передает русский фразеологизм [*легко*] *как два пальца обоссать* (СРА 2000, s.v. *ссать*) и его эвфемистический вариант [*легко*] *как два пальца об асфальт*, где была произведена замена слова *обоссать* на созвучное *об асфальт* (СРА 2000, s.v. *асфальт*), а также синонимичные фразеологизмы *как два пальца обмочить* (СФСРЯ 1997, s.v. *легко*) и *как два пальца облизать* в значении ‘очень легко и просто, не составляет никакого труда сделать что-либо’ (СФСРЯ 1997, s.v. *просто*). Фразеологизмы, по всей вероятности, мотивированы представлением о том, что для того, чтобы обоссать свои пальцы, особенно если делать это на природе, особого ума не надо – это происходит само собой.

Подобные ассоциации в шведском языке отсутствуют, а данная семантика передается фразеологизмом *lätt som en plätt* (досл. ‘легко как блинчик’) в значении ‘очень легко и просто’ (SO 2021, s.v. *lätt*), который в свою очередь переводится на русский язык ‘проще простого’ (NSRO 2012, s.v. *plätt*).

Такие черты, как *алчность* и *нахальство*, являющиеся крайне негативными качествами человека, находят свое отражение в обоих языках. Шведский фразеологизм *ge honom ett finger, och han tar hela handen* (досл. ‘дай ему палец, и он возьмет всю руку’) и его словарный перевод ‘дай ему палец, он отхватит/откусит всю руку’ (NSRO 2012, s.v. *finger* и *палец*), а также его варианты *ger man nån ett finger tar hon/han snart hela handen* (OKF 2011, s.v. *finger*) и *om man ger djävulen ett [lill-]finger så tar han hela handen* (WSPS 2004, с. 194) в аналогичном значении (досл. ‘дай дьяволу палец [мизинец], и он возьмет всю руку’) описывают того, кто не замедлит воспользоваться добродушием кого-либо (OKF 2011, s.v. *finger*). В русском языке имеется полный эквивалент *дай палец кому-либо, потребуе́т всю руку* (ТСШ 2008, s.v. *палец*). Данные фразеологизмы довольно старые, и возможно являются калькой из немецкого языка (SAOB 1924, s.v. *djävul*). В обоих языках указанные фразеологизмы используются применительно к нескромному и невежливому человеку, не способному по достоинству оценить оказанную ему помощь и желающему получить еще больше. Вероятно, здесь отражено представление о неумеренности человеческих притязаний, и имеет место метонимическое уподобление части целому, где палец выражает минимальный недостаток, а рука – максимальный.

Для выражения семантики *нахальства* в русском языке имеется близкий по значению фразеологизм *пальца в рот не клади* для описания того, кто не упустит случая использовать в своих интересах чью-либо оплошность, доверчивость (ТСШ 2008, s.v. *палец*). Согласно лингвокультурологическому комментарию Мокиенко (БСРП 2008, s.v. *палец*), данный фразеологизм является исконно русским и мотивирован представлением о смирной на вид, но непослушной лошади, которая могла укусить, когда ей вкладывали в рот удила. Данный фразеологизм не имеет эквивалента в шведском языке и переводится фразеологизмом без соматизма *man måste vara på sin vakt mot ngn* (досл. ‘нужно быть настороже с кем-либо’) (NSRO 2012, s.v. *палец*).

4.3.3. Рефлекторное воздействие на пальцы, вызванное иным действием

На пальцы можно воздействовать рефлекторно, их можно чесать или облизывать. В данной подгруппе представлена семантика *желания, вожделения и предвкушения*.

Семантика *предвкушения* и *вожделения* передается в шведском языке фразеологизмом *slicka fingrarna efter ngt* (досл. ‘облизывать пальцы на что-либо’) в значении ‘очень хотеть, добиваться чего-либо, стремиться к чему-либо, жаждать чего-либо, пытаться заполучить что-либо’ (SAOB 1924, s.v. *finger*). В основе фразеологизма, вероятно, лежит метафорический образ облизывания пальцев в предвкушении трапезы или после нее. В русском языке нет эквивалентного фразеологизма, но имеется глагол *облизываться на что-либо* в аналогичном значении ‘смотреть на кого-или что-либо с вожделением, желанием обладать чем-либо; предвкушать получение чего-либо вкусного или приятного’ (ТСШ 2008, s.v. *облизываться*). Согласно словарю Волковой, значение ‘предвкушать получение чего-либо вкусного или приятного’ может быть также передано фразеологизмом *облизывать губы* (ФСВ 2000, s.v. *облизывать*). Стоит заметить, что в русском языке имеется фразеологизм *пальчики оближешь* (ФСФ 2008, s.v. *оближешь*), но с иной семантикой, *усиления, интенсивности*, в значении ‘очень вкусен’; ‘очень красив, привлекателен, прекрасен’. Можно предположить, что русский фразеологизм также восходит к символике облизывания пальцев перед или после лакомого блюда.

Семантика *острого желания* сделать что-либо передается шведским фразеологизмом *det kliar i fingrarna på ngn* (досл. ‘пальцы чешутся у кого-либо’) в значении ‘испытывать сильное желание сделать что-либо’ (SO 2021; SAOB 1924, s.v. *finger*). В русском языке мы находим частичный эквивалент с соматизмом *рука руки чешутся у кого-либо* (ФСФ 2008 s.v. *руки чешутся*; NSRO 2012 s.v. *kliar*). Однако у данных фразеологизмов имеется и второе значение, а именно ‘испытывать острое желание побить кого-либо, подраться с кем-либо’ (ФСФ 2008, s.v. *руки чешутся*; SAOB 1924, s.v. *finger*). Согласно лингвокультурологическому комментарию Ковшовой (ФСРЯ 2006, s.v. *руки чешутся*), фразеологизмы мотивированы представлением о том, что если пальцы или руки чешутся, то это говорит о сильном желании сделать что-либо, при этом острое желание человека сделать что-либо уподобляется его желанию что-либо предпринять против зуда, а именно чесать раздраженное место (пальцы или руки). Следует заметить, что данные фразеологизмы также ассоциируются с потиранием рук в предвкушении работы и могут потенциально сопровождаться соответствующим жестом.

4.4. Характеристики воздействия пальца на окружающий мир

По результатам анализа данная группа наиболее многочисленная (38 единиц). Пальцы обладают мощным потенциалом воздействия на окружающий мир, они могут указывать, тыкать, выставляться вверх или растопыриваться, выражая определенные интенции. В данной группе собраны фразеологизмы, характеризующие действия и поступки человека и его взаимоотношения другими. Воздействие может быть жестовым или безжестовым.

4.4.1. Безжестовое воздействие

Безжестовое воздействие на палец связано с характеристиками движения пальца (растопыривание, загибание и пр., а также сование пальца в чужое пространство), и в данной подгруппе представлена следующая семантика: *могущества и превосходства, силового воздействия, оплошности, неосторожности, вмешательства и участия.*

Символ силы

Семантика *могущества и превосходства* передается фразеологизмами с соматизмом *палец* в обоих языках. Влиятельного человека в русском языке можно описать при помощи следующих фразеологизмов: (*стоит*) *пальцем шевельнуть* в значении ‘сделать маленькое усилие, чтобы осуществить, предпринять что-либо’ (ФСФ 2008, s.v. *стоит пальцем шевельнуть*) и его несколько устаревший вариант *только пальцем поведет* в значении ‘сделает что-либо без усилий, легко’ (ФСФ 2008, s.v. *только пальцем поведет*). В шведском языке мы находим эквивалент *ngn behöver bara knäppa med fingrarna* (досл. ‘кому-либо стоит только щелкнуть пальцами’) в аналогичном значении (SO 2021, s.v. *finger*) и несколько устаревший вариант *ngn behöver bara sträcka ut ett finger* (досл. ‘кому-либо стоит только выставить палец’) в значении (SAOB 1924, s.v. *finger*).

Семантика (*силового*) *воздействия на кого-либо* и *обиды* представлена в русском языке фразеологизмом *пальцем коснуться/тронуть кого-либо* в значении ‘обидеть’ и его антоним *пальцем не коснуться/тронуть кого-либо* (ФСФ 2008, s.v. *коснуться; тронуть*) в значении ‘не обидеть’. На шведский язык переводится фразеологизмом *inte kröka ett hår på ngn's huvud* (досл. ‘не тронуть и волоса на чьей-либо голове’) (NSRO 2012, s.v. *palec*) в значении ‘не ранить, не нанести ущерб кому-либо, не использовать и малейшую

силу против кого-либо' (OKF 2011, s.v. *hår*). Данный фразеологизм происходит из Библии (SO 2021, s.v. *hår*), имеется в русском языке в устаревшей форме *не тронуть волоска чьего-либо* в значении 'не обидеть, не причинить ни малейшего вреда' (СФСРЯ 1987, s.v. *волосом не тронуть*) и использовался в языке на рубеже 19-го и 20-го веков.

Семантика *безжалостности* в шведском языке передается фразеологизмом *inte lägga fingrarna emellan* (досл. 'не подложить пальцы между чем-либо') в значении 'не проявить снисходительность по отношению к чему-либо или кому-либо' (OKF 2011; SO 2021, s.v. *finger*). Данной ассоциации с пальцем в русском языке нет.

Символ вмешательства и участия

Семантика *вмешательства* и *причастности* ярко представлена в шведском языке и здесь имеется целый ряд синонимичных фразеологизмов. Фразеологизм *ha ett finger med i ngt* (досл. 'иметь палец в чем-либо') и его вариант *ha ett finger med i spelet* (досл. 'иметь палец в игре') в значении 'быть замешанным в чем-либо, вовлеченным во что-либо' (OKF 2011, s.v. *finger*) переводится на русский язык фразеологизмом 'приложить руку к чему-либо' или 'без кого-либо не обошлось в чем-либо' (NSRO 2012, s.v. *finger*). В русском языке в указанном значении мы находим эквивалент представленного фразеологизма, выступающий с иным соматизмом (*рука* вместо *палец*), *приложить руку к чему-либо*. Русский фразеологизм мотивирован старинным обычаем подписывать документы, и согласно лингвокультурологическому комментарию Мокиенко и Мелерович (в СРФ 1998, s.v. *рука*), это было связано со старинным делопроизводством, когда неграмотные люди оставляли на документе свою подпись, прикладывая палец или руку, смазанные краской: «руку приложил». Постепенно значение канцеляризма расширилось, и фразеологизм *приложить руку* стал означать 'принять участие, быть соучастником в каком-либо деле'. Шведский фразеологизм, по всей вероятности, мотивирован образом пальцев рук как важного инструмента в карточных играх и играх в кости, и тот, кто имеет свои «пальцы в игре», влияет на ход игры. Порой данный фразеологизм приобретает негативную коннотацию и передает семантику тайного или сомнительного влияния, и тогда понятие вмешательства приобретает форму неприятного безосновательного вторжения в какие-либо дела или в чьи-либо правила игры. Особенно явно это прослеживается в фразеологизмах с усилительным значением *ha ett finger med i byken* (досл. 'иметь палец в грязном белье') в значении 'быть замешанным в каком-либо мутном деле, быть причастным к чему-либо подозрительному' и синонимичный фразеологизм *stå med/ha fingrarna i*

kakburken/syltburken (досл. ‘стоять с пальцами/иметь пальцы в банке с печеньем/вареньем’) ‘быть чрезмерно замешанным в чем-либо; быть причастным к запрещенной деятельности’ (OKF 2011, s.v. *syltburk*; SO 2021, s.v. *finger*). Данные фразеологизмы отражают несоблюдение человеком общепринятых этических норм поведения и имеют крайне негативную коннотацию. Пальцы рук здесь являются, по всей вероятности, некоем ориентиром в определении границ «внешнего» и «внутреннего» пространства человека. Нарушение этих границ и вторжение в чужой мир метафорически уподобляется сованию пальца в грязное белье или в банку с печеньем/вареньем. Пальцы становятся символом вмешательства в чужую жизнь.

Противоположными по значению являются фразеологизмы: *hålla fingrarna från ngt/ngn* (досл. ‘держат пальцы [подальше] от чего-либо, кого-либо’), *hålla fingrarna borta/i styr* (досл. ‘держат пальцы подальше/при себе) (OKF 2011, s.v. *finger*), переводящиеся на русский язык выражением ‘не трогать что-либо, кого-либо’ (NSRO 2012, s.v. *finger*). Данные фразеологизмы являются производными (образованными при помощи редукции) от устаревшего фразеологизма *hålla fingrarna borta från fatet* (досл. ‘держат пальцы подальше от тарелки’) в значении ‘не вмешиваться во что-либо’ (SAOB 1924, s.v. *finger*). Вероятно, изначально данный фразеологизм был мотивирован требованием не лезть пальцами в общую тарелку. В русском языке мы в аналогичном значении находим фразеологизм, также основанный на ‘категорическом, решительном требовании невмешательства в дела кого-либо, чего-либо’, выступающий с иным соматизмом (*рука вместо палец*) ‘руки прочь’ (СРФ 1998, s.v. *рука*).

Семантика *разоблачения* представлена в шведском языке фразеологизмом (*ertappas*) *med fingrarna i kakburken/syltburken* (досл. ‘(быть пойманным) пальцами в банке с печеньем/банке с вареньем’ в значении ‘поймать кого-либо на месте преступления, на чем-либо’ (SO 2021, s.v. *finger*). В русском языке имеется фразеологизм *поймать с полочным* в значении ‘поймать кого-либо на месте преступления’ (БСРП 2007, s.v. *полочное*), а соматизм *палец* для выражения *разоблачения* не получил заметных культурных коннотаций.

Семантика *божественного участия* передается в шведском языке фразеологизмом *Guds finger* (досл. ‘Божий палец’) в значении ‘Божья сила или вмешательство, Божий наказ’ (SO 2021, s.v. *finger*), в русском языке имеется фразеологизм *Божий перст* с устаревшим словом *перст* ‘палец’ (СБРЯ 2017, s.v. *перст*) или *Божья рука* (СБРЯ 2017, s.v. *рука*) в значении ‘судьба, указание свыше’.

Русский фразеологизм *пальца не подсунешь* в значении ‘что-либо сделано так хорошо, что не придерешься’ (БСРП 2007, s.v. *палец*) отображает древнее плотницкое ремесло, и в основе образа лежит представление о четкой подгонке досок друг к другу, что между ними нельзя было просунуть и пальца (СРФ 1998, s.v. *комар*).

4.4.2. Жестовое воздействие

В данной подгруппе собраны фразеологизмы, в которых пальцы выступают в роли жестообразующего элемента. Сюда относятся фразеологизмы, передающие семантику осуждения, высмеивания и порицания хвастовства, зазнайства, демонстрации своей принадлежности к воровскому миру и (потенциально) сопровождаемые жестами.

Порицание и осуждение

Семантика представлена в обоих языках. В русском языке имеются три синонимичных фразеологизма *показывать пальцем на кого-либо* или его вариант *тыкать в кого-либо пальцем* (ФСФ 2008, s.v. *показывать*; *тыкать*) в значении ‘открыто, во всеуслышание осуждать, упрекать, порицать или стыдить кого-либо’, а также фразеологизм *указывать пальцем на кого-либо* (ФСФ 2008, s.v. *указывать*) в значении ‘открыто осуждать, порицать, позорить кого-либо’. Шведский фразеологизм *peka finger* (досл. ‘указывать пальцем на кого-либо’) в значении ‘дразнить, высмеивать кого-либо, показывая пальцем на кого-либо провоцирующим образом’ (SO 2021, s.v. *finger*). Все эти фразеологизмы мотивированы и могут потенциально сопровождаться соответствующим жестом. Согласно лингвокультурологическому комментарию (в СРФ 1998, s.v. *палец*), данный жест, привлекающий внимание к тому, на кого или на что направлен указательный палец, был в древности анимистической угрозой, а его использование было связано с наведением на человека нечистой силы. Позже этот жест стал восприниматься как проявление неуважения, грубости по отношению к тому, на кого указывали. Указывающий или тыкающий жест, вероятно, был подвержен переосмыслению и в образе русского фразеологизма *куда ни ткни пальцем* в значении ‘везде, повсюду’ (ФСФ 2008, s.v. *куда ни ткни пальцем*), не имеющего фразеологического аналога в шведском языке. Русский фразеологизм *пальцем крутить у виска* (ТСШ 2008, s.v. *палец*) в значении ‘кто-либо ведет себя странно, глуп или не совсем нормален’ так же мотивирован и сопровождается соответствующим жестом – приставлением

распрямленного указательного пальца к виску с последующей кручением 1-2 раза (СЖРЯ 2001, s.v. *покрутить пальцем у виска*). В шведском языке имеется аналогичный жест с приставлением пальца к виску (а также с кручением у виска или постукиванием пальцем по виску), но нет (по крайней мере пока) жестового фразеологизма.

Угроза, предупреждение

Семантика *предупреждения, предостережения, осуждения и угрозы* передается в русском языке фразеологизмом *грозить пальцем кому-либо* (ТСШ 2008, s.v. *грозить*) в значении ‘делать угрожающий жест’ для выражения осуждения, недовольства и предостережения кого-либо по поводу дурных поступков, поведения и т.п. Данный фразеологизм мотивирован жестом, и Мокиенко (в СРФ 1998, s.v. *палец*) поясняет, что соответствующий жест (поднятый указательный палец) в древности был анимистической угрозой, а его использование было связано с наведением на человека нечистой силы. В шведском языке для выражения *угрозы* имеется фразеологизм *hota med fingret* (досл. ‘грозить пальцем’) в значении ‘угрожать кому-либо’ (SAOB 1924, s.v. *finger*). *Предупреждение* передается фразеологизмом *höja ett varningens finger/ett varnande finger* (досл. ‘поднять предупреждающий палец/палец предупреждения’) в значении ‘предупреждать кого-либо о чем-либо’ (OKF 2011, s.v. *finger*). Указанные фразеологизмы потенциально могут сопровождаться соответствующим жестом (СРФ 1998, s.v. *палец*; SO 2021, s.v. *finger*).

Одобрение или неодобрение

Семантика *одобрения и неодобрения* передается фразеологизмами, мотивированными жестом – поднятым вверх или опущенным вниз большим пальцем руки. В русском языке для выражения *одобрения* имеется фразеологизм *на большой палец* в значении ‘очень хорошо, отлично (делать что-л.); очень хороший, прекрасный’. Согласно лингвокультурологическому комментарию (СРП 1998, s.v. *палец*), данный фразеологизм является исконно русским и возник в русском языке в 20—30-х гг. XX в. на фоне распространенного употребления жеста, означающим у русских высшую степень одобрения. Жест восходит к временам гладиаторских боев и обычаю римлян поднимать или опускать большой палец руки, подавая сигнал оставить в живых или убить побежденного гладиатора. В шведском языке данный жест получил распространение в 19 веке (OU 2007, s.v. *tumme*). Следует заметить, что в русском языке фразеологизма, мотивированного жестом опускания большого пальца и выражающего неодобрение, нет.

В шведском языке, напротив, мы находим *одобрение* и *неодобрение*, которые передаются фразеологизмами *tummen upp för ngt/ngn* (досл. ‘большой палец вверх [в знак одобрения чего-либо или кого-либо]’) в значении ‘очень хорошо’ или *tummen ner för ngt/ngn* (досл. ‘большой палец вниз [в знак неодобрения чего-либо или кого-либо]’) в значении ‘нехорошо’ (NSRO 2012; OFK 2011, s.v. *tumme*). Указанные фразеологизмы могут потенциально сопровождаться жестом (SO 2021, s.v. *tumme*). В данном случае вместо *палец* используется соматизм *большой палец*.

Близкая к семантике неодобрения семантика *неприятия* или *отказа*. В русском языке семантика *отказа* передается фразеологизмом *комбинация из трех пальцев* в значении ‘кукиш, фига’ (СРА 2000, s.v. *комбинация из трех пальцев*). Производный фразеологизм *показать кому-либо комбинацию из трех пальцев* означает ‘отказать, обмануть’ и в свою очередь образован от фразеологизма *показать кому-либо кукиш* в значении ‘выражать свое презрение к кому-либо’ (СРФ 1998, s.v. *кукиш*). Данный фразеологизм может потенциально сопровождаться жестом. Демонстрация жеста, описываемого данным фразеологизмом, служит для передачи неприятия, презрения или отказа и нежелания оказывать кому-либо (материальной) поддержки. Согласно Григорьевой, Григорьеву и Крейдлин (2001, с. 103–104), жест *кукиш (фига)* – один из наиболее древних жестов, упоминание имеется в Божественной комедии Данте. Жест имеет фаллическую символику, где есть намек на сходство между вагиной и полуоткрытой инжира и ссылаются на оскорбительное утверждение, состоящее в том, что кончик большого пальца помещается между указательным и средним пальцами, считается очень грубым во многих странах Европы и отсутствует в современном шведском языке⁴.

Семантика *презрения* одинаково представлена в обоих языках и передается эквивалентными фразеологизмами. В шведском языке фиксируется *ge någon fingret* (досл. ‘дать кому-либо палец’) и его синонимы *visa finger* (досл. ‘показать палец’) и *göra fingret åt ngn* (досл. ‘сделать кому-либо палец’) в значении ‘показывать кому-либо поднятый вверх средний палец, часто с предполагаемым непристойным значением’ (SO 2021, s.v. *finger*). В русском языке имеется фразеологизм *показать кому-либо средний*

⁴ В шведском использовался вместе с фразеологизмом *ge fikon* (дать фигу) (*†*) *låta ngn se fikon*, *giva ngn fikon o. d.*, (*gm en viss skymflig åtbörd*) *visa ngn (sitt) förakt, smäda ngn* (SAOB 1924, s.v. *fikon*).

*палец/фак*⁵ (СРА 2000, s.v. *фак*). Фразеологизмы потенциально могут сопровождаться соответствующим жестом – поднятием вверх среднего пальца.

Семантика *отчаяния* передается в русском языке фразеологизмом *ломать пальцы* со значением ‘не скрывать чувства горя, отчаяния (выражая его жестами)’ (ФСФ 2008, s.v. *ломать руки/пальцы*). В шведском языке данная семантика передается при помощи фразеологизма с соматизмом *hand* ‘рука’ – *vrida händer* (досл. ‘крутить руки’) в значении ‘быть вне себя от отчаяния’ (SO 2021, s.v. *hand*), который, в свою очередь, переводится на русский язык *ломать в отчаянии руки* (NSRO 2012, s.v. *vrida*). Образ обоих фразеологизмов прозрачен, и в данном случае налицо метафорическое переосмысление по внешнему сходству жеста нервного заламывания пальцев или кручения рук. Фразеологизмы могут потенциально сопровождаться соответствующим жестом.

Семантика *удивления* и *недоумения* передается в шведском языке фразеологизмом *bli med förvåningens fingret i (härpnadens) mun* (OKF 2011, s.v. *finger*) (досл. ‘остаться с пальцем изумления во рту (от удивления)’) в значении ‘выразить изумление, недоумевать’. Фразеологизм мотивирован и может потенциально сопровождаться жестом, который в русском языке отсутствует. В русском языке имеется фразеологизм *разинуть рот [от изумления]* (ФСВ 2000, s.v. *рот*) в значении ‘выразить на лице изумление’ без соматизма.

Пальцы как преграда

Семантика *попустительства* и *снисхождения* в одинаковой мере представлена в обоих языках. В русском языке имеется фразеологизм *видеть (смотреть, глядеть) сквозь пальцы* в значении ‘намеренно не обращать внимания на что-либо, сознательно не замечать ничего предосудительного в чем-либо’ (СРФ 1998, s.v. *палец*). Данный фразеологизм обладает одновременно негативной и позитивной коннотациями, так как выражает неодобрение (попустительство) и одобрение (снисхождение), в зависимости от того, осуждает или оправдывает говорящий происходящее (ФСРЯ 2001, s.v. *смотреть сквозь пальцы*). Согласно лингвокультурологическому комментарию Мокиенко и Мелерович (в ФРР 2001, s.v. *палец*), фразеологизм является калькой с немецкого языка *durch die Finger sehen* (досл. ‘смотреть через пальцы’), который со времен средневековья широко использовался в народной речи, часто в отношении дураков и шутов, «закрывающих себе пальцами глаза, уменьшая зримое пространство». Фразеологизм

⁵ Фак (от англ. *fuck*), или средний палец, — неприличный жест, когда средний палец поднимается вверх, а остальные четыре пальца прижимаются к ладони (Википедия, 2023, s.v. *средний палец*).

потенциально может сопровождаться соответствующим (первоначальным) жестом — растопыренными перед глазами пальцами. Согласно *Академическому словарю* (SAOB, 1924; SO 2021, s.v. *finger*), данный фразеологизм происходит из Библии и представлен во многих языках. В шведском языке мы находим полный эквивалент *se mellan/genom fingrarna med ngn/ngt* (досл. ‘смотреть через/сквозь пальцы на кого-либо или что-либо’) со значением ‘умышленно не обращать внимания на что-либо, проявлять снисхождение по отношению к кому-либо’ (OKF 2011, s.v. *finger*). Согласно лингвокультурологическому комментарию Ковшовой (в ФСРЯ 2001, s.v. *смотреть сквозь пальцы*), в основе образа фразеологизма лежит метонимия, основанная на смежности понятий, где зрение как перцептивное восприятие отождествляется с видением (знанием) как результатом ясного восприятия. Ковшова далее в своем комментарии поясняет (в ФСРЯ 2001, s.v. *смотреть сквозь пальцы*), что в метафорическом переосмыслении фразеологизма пальцы символизируют преграду, мешающую ясно и четко видеть, а значит, осознавать происходящее. Популяризации фразеологизма (в обоих языках) послужило его употребление в переводе Библии Лютером (ФРП 2001, s.v. *палец*).

Пальцы как символ воровского мира

Пальцы имеют большой вес в русской лингвокультуре и являются символом воровского мира. В русском языке мы находим целую группу фразеологизмов с соматизмом *палец*, передающих семантику *хвастовства*, *зазнайства*, *демонстрации своей принадлежности к воровскому миру*. Фразеологизм *пальцы веером* (БСРЖ 2000, s.v. *палец*) используется для описания человека-зазнайки, кто важничает и хвастается. Данный фразеологизм мотивирован образом нувориша с пальцами, униженными дорогими кольцами (БСРП 2007, s.v. *пальцы*), связанным с криминальными структурами, и первоначально он использовался именно в этом значении. На сегодняшний день он используется для описания гордого заносчивого человека и о (наглом) намерении что-либо сделать. Согласно лингвокультурологическому комментарию Мокиенко (РФ 2005, s.v. *пальцы веером*), данный фразеологизм может быть также мотивирован образом открытой руки как символа богатства. Особо красочно и с тонкой иронией семантика хвастовства передается структурными вариантами вышеописанного фразеологизма: *пальцы веером*, *сопли пузырем*, *дсны в волосах*, *на зубах колючки*, *на ногах фиги* (СРА 2000, s.v. *пальцы веером*), *пальцы веером*, *сопли пузырем*, *зубы шифером* (СРВ б.г., s.v.

пальцы веером, жопа в перьях, пики козыри) и *пальцы веером, жопа в перьях, пики*⁶ *kozyри* (СРВ б.г., s.v. *пальцы веером, жопа в перьях, пики козыри*), используемые для описания излишне самоуверенного, нахального человека, который много важничает.

Фразеологизмы *кидать пальцы* и *гнуть гнуть/загнуть пальцы* используются в значении 'делать специфические жесты, зазнаваться', *раскинуть/разбросать пальцы* в значении 'начать важничать, зазнаваться, демонстрировать свою принадлежность к мафиозным структурам' и *загибать пальцы* в значении 'отказываться выполнять чьи-либо требования' (БСРП 2007, s.v. *палец*). Сюда же относится фразеологизм *собрать пальцы* со значением 'перестать важничать, зазнаваться' и его структурные варианты для описания 'требования вести себя скромнее', например: *заверни пальцы!, заверни пальцы, а то ботинки порвутся!, сверни пальцы!, сверни пальцы, а то ботинки порвутся!* (СРА 2000, s.v. *палец*). Согласно *Словарю русского арго* (СРА 2000, s.v. *пальцевать*), данные фразеологизмы мотивированы (и могут потенциально сопровождаться) характерным уголовным жестом – *(рас)пальцовка* – выставлением указательного пальца и мизинца как знака приобщенности к блатному, воровскому миру. Следует заметить, что более древний жест *коза*, или *знак дьявола*, образуется аналогичным образом, то есть путем поднятия указательного пальца и мизинца ладонью вперед, образуя при этом рожки козы и символизируя рога дьявола. Жест был популярен в Европе и Азии среди суеверных людей, которые защищались от сглаза этим жестом. Распальцовка используется как знак собственного превосходства, и ее отличие от *козы* в том, что указательный палец и мизинец направлены вперед, а не вверх, и используется как угроза выколоть глаза (Википедия 2023, s.v. *коза*). В отличие от русского, в шведском языке палец для выражения *хвастовства* не получил заметных культурных коннотаций.

Итак, в результате проведенной процедуры концептуализации на базе собранного и семантически проанализированного материала представляется возможным обобщить результаты исследования. Учитывая вышеописанные способы концептуализации, за соматизмом *палец* закрепляется следующая символика: 1) символика труда, умения и знания; 2) символика (счетного, наглядного или приносящего удовольствие) инструмента; 3) символика власти, силы; 4) символика вмешательства и участия; 5) жестовая символика; 6) символика воровского мира (в русской лингвокультуре).

⁶ "пики" — карточная масть

4.5. Фразеологические соответствия

При выявлении фразеологических соответствий использовался алгоритм Гака (1999, с. 261), по которому при сопоставлении фразеологизмов двух языков необходимо учитывать структуру и семантику, а также стилистические особенности. В настоящей работе при сопоставлении фразеологизмов учитывался исключительно многомерный план содержания (внутренняя форма). Как было описано выше (см. главу 2.1.3. и 2.3.1), нас интересует лишь фразеологическая семантика и выявление соответствий при сопоставлении двух языков, поэтому информацию о плане выражения мы оставляем в стороне. Стилистическая принадлежность в рассмотрении учитывалась частично.

Как было описано выше (см. главу 2.3.1.), в отношении плана содержания фразеологизмов принято разграничивать внутреннюю форму (значение и образно-ассоциативное основание) и семантическую структуру (значение и компонентный состав). Как было указано выше (см. главу 2.1.3), при рассмотрении плана содержания важно выявить, концептуализируется ли данная ситуация средствами фразеологии в соотносимом языке или нет. Основными критериями определения эквивалентности таким образом является полное, частичное совпадение или несовпадение компонентов плана содержания фразеологизмов, то есть их значения, образа и семантической структуры (лексической организации, наличие соматизма). По результатам сопоставительного анализа фразеологизмы корпуса настоящего исследования распределяются следующим образом (см. также Приложение 3):

- 1) эквиваленты (полные и частичные);
- 2) аналоги (полные и частичные);
- 3) отсутствие соответствия (безэквивалентные и безаналоговые фразеологизмы).

4.3.1. Эквиваленты (полные и частичные)

В данной группе ситуации концептуализируются средствами фразеологии при помощи соматизма *палец* в русском и *finger* в шведском или тождественных по семантике соматизмов. Отличительной особенностью фразеологических эквивалентов (как полных, так и частичных) является эквивалентность плана содержания, то есть при их

использовании сохраняются как семантическая структура, значение, так и лежащий в их основе образ (см. Приложение 3/таблица 1).

Полными эквивалентами (общее количество 27) в настоящей работе считаются фразеологизмы, полностью совпадающие в плане содержания, с тождественным значением, ассоциативно-образным основанием и семантической структурой, а именно в них обязательно наличие соматизма *палец* в русском языке и *finger* в шведском языке. *Частичными эквивалентами* (общее количество 10) считаются фразеологизмы, немного отличающиеся в плане содержания, то есть с одинаковым или близким значением, одинаковым ассоциативно-образным основанием и минимальными расхождениями в семантической структуре. Здесь допускается использование семантически тождественных соматизмов (совпадающих при переводе), а именно: *большой палец [руки]* = *tumte*; *средний палец* = *långfinger*; *указательный палец* = *pekfinger*; *палец ноги* = *tå*, а также устаревший соматизм *перст* = *палец* = *finger*. Использование семантически тождественных, но (ввиду различий в грамматической структуре языков) формально различных соматизмов, вызывает в восприятии представителей русской и шведской лингвокультур одинаковые образы.

4.3.2. Аналоги (полные и частичные)

В данной группе ситуации концептуализируются средствами фразеологии при помощи соматизма *палец* в русском и *finger* в шведском, близких по семантике соматизмов или без соматизмов. Отличительной особенностью фразеологических аналогов (как полных, так и частичных) является аналогичность плана содержания, при сохранении комплекса значений могут быть большие расхождения в семантической структуре. В образно-ассоциативной основе допускается как полное совпадение, так и (частичные) расхождения (см. Приложение 3/таблица 2).

Полными аналогами (общее количество 24) в настоящей работе считаются фразеологизмы с частичными расхождениями в плане содержания: при сохранении комплекса значений могут быть различия в образе и семантической структуре, но обязательно наличие близкого соматизма *рука* в русском и *hand* в шведском или иного соматизма. Использование не тождественных, но близких соматизмов чаще всего вызывает в восприятии представителей русской и шведской лингвокультур схожие, аналогичные, образы и ассоциации. *Частичными аналогами* (общее количество 18)

являются фразеологизмы с большими расхождениями в плане содержания: при аналогичном значении могут быть (абсолютно) иной образ и иная семантическая структура (отсутствие соматизма).

4.3.3. Отсутствие фразеологических соответствий

В данной группе ситуации концептуализируются средствами не фразеологии, а лексикологии, и здесь собраны фразеологизмы (общее количество 21), не имеющие фразеологических соответствий. Комплекс значений передается простыми или сложными словами или при помощи описательного перевода (свободное словосочетание или предложение). Безэквивалентные и безаналоговые фразеологизмы имеются в обеих лингвокультурах, однако, в русском языке их было выявлено больше (13 русских и 8 шведских) (см. Приложение 3/таблица 3). При оформлении данной группы была проведена дополнительная работа по выявлению возможных трудностей перевода, то есть как справляются переводчики со своей работой, с привлечением данных Национального корпуса русского языка.

4.3.4. Национальная специфика и уникальные фразеологизмы

В подгруппе частичных аналогов и в группе безэквивалентных и безаналоговых фразеологизмов имеются такие, образ которых не совпадает при сопоставлении языков. Как было описано выше, чаще всего несовпадение образа имеет место при описании национально-специфических черт лингвокультуры (истории и культуры народа). Чаще всего такие фразеологизмы содержат в своем составе архаичный элемент, древнее представление, обычай, символ или иной элемент культурного символярия. Значение таких фразеологизмов обычно передается с помощью фразеологизма без соматизма или лексического синонима, а также описательным путем. Таких фразеологизмов с оригинальным образно-ассоциативным основанием в отобранном корпусе настоящего исследования было выявлено 35 единиц (см. Приложение 3/таблица 4), из них 25 единиц принадлежат фразеологическому фонду русского языка и 10 единиц – фразеологическому фонду шведского языка.

5. Дискуссия

В настоящей главе кратко обсуждаются результаты анализа, а также методология, использованная для достижения целей исследования. В заключение делаются выводы и даются предложения по дальнейшим исследованиям. По мнению Т. Турена (Thurén 2019), для обеспечения качества и надежности исследования необходимо наличие у исследователя рефлексии, то есть способности подвергать сомнению собственные интерпретации, размышлять о правильности выбора методов сбора материала и анализа, а также обсуждать полученные результаты в свете использованных теорий. При таком рефлексивном подходе доверие к исследованию повышается.

5.1. Обсуждение результатов

Результаты настоящего исследования еще раз подтверждают факт нагруженности фразеологизмов мнением, отношением и оценкой (коннотативная и прагматическая составляющие) с одной стороны, и наличие в них как общекультурной, так и национально-культурной специфики, на что неоднократно указывала в своих работах Телия (1996; 1999). Как было указано выше (см. главу 2.3.2.), средством создания эмоциональности в теории Телии (1996, с. 89) может служить образная гештальт-структура, воспринимаемая как прототип, то есть какие ассоциации вызывает тот или иной концепт. Лингвистическая маркированность национально-культурной специфики образности единиц языка тесно связана с особенностью культурного развития лингвокультуры. Например, в шведском языке *лукавство* ассоциируется с наматыванием нитки на палец, в то время как в русском языке этот же образ наматывания нитки на палец ассоциируется с *обманом*. Образная гештальт-структура является, таким образом, способом языкового кодирования представлений в сознании лингвокультуры о некоей ситуации. Поскольку у разных лингвокультур (помимо различий в языковой структуре) могут быть разные образы-картинки, то и категоризация и концептообразование осуществляется разными средствами выражения. Иными словами, в каждой лингвокультуре есть свой определенный способ языкового отображения действительности в соответствии с историческим опытом и культурой народа. Это подтверждает утверждение Гака (1999) о возможности значительных расхождений в

фразеологии языков несмотря на наличие общечеловеческих культурных слоев, поскольку в ней отражается национальная специфика лингвокультурной общности.

Результаты исследования также подтверждают мысль Телии (1996, с. 237) о том, что при употреблении фразеологизмы репродуцируют менталитет определенной лингвокультуры, поскольку язык при выражении определенных значений оперирует ассоциациями, возникающими на базе уже имеющихся в данном языке понятий. Результаты анализа показывают, что соматические символы (образы, эталоны, метафоры и пр.) в шведском и русском языках, выступая стимулятором эмоциональной реакции, являются основой экспрессивного значения языковой единицы и отражают особенности коллективного сознания народов, т. е. являются, по терминологии Телии (1999), национально-культурными. В зеркале символических признаков соматического концепта *палец* отражается культурная и духовная сфера человека. Так, по результатам анализа, в обоих языках отражена символика пальцев как универсального инструмента, с помощью которого можно не только считать, но и мерить, сравнивать и даже получать удовлетворение. В шведском языке особо важно наличие деятельности, а важными качествами характера являются четкость и аккуратность, где пальцы являются средством определения и выявления проблем и недостатков, символом навыка, мастерства, умения и знания в большей степени, чем это представлено в русском языке. В русском языке шире представлена семантика невежества, глупости и неумения, концептуализируемая при помощи соматизма *палец*. Более того, в русской лингвокультуре при помощи пальцев можно демонстрировать свою принадлежность к воровскому миру. В общем, выявление довольно обширной группы воровских фразеологизмов свидетельствует о проникновении жаргона в литературный язык, что, несомненно, влияет на менталитет лингвокультуры. По заявлению Мокиенко и Никитиной (1999, с. 85) жаргонизация речи свидетельствует о криминализации «культурного» общества.

По результатам анализа чуть больше трети (37 из 100) фразеологизмов имеет эквивалентные соответствия, что подтверждает наличие универсальной культурной символики, т. е. об общекультурной составляющей. Подобную универсальность можно объяснить тождественностью символического переосмысления соматизмов ввиду определенной традиционности или совпадением культурного символярия лингвокультур. Как было описано выше (см. главу 2.1.3 и 2.3.3.) формировании как шведской, так и русской национально-культурной специфики, большую роль сыграло христианство, и это естественным образом отразилось в языке, отсюда большое количество схожих символов, стереотипов и метафор, использующихся носителями

обоих языков и отраженных в фразеологизмах. Универсальному символическому переосмыслению соматизм *палец* подвергается прежде всего благодаря концептуализации своих четко выраженных функций, и особенно в тех случаях, где образность основана на некоем, вероятно, универсальном символическом переосмыслении древних жестов.

Однако результаты настоящего исследования также показывают, что большая часть фразеологизмов также являются носителями национально-культурной специфики, или фоновой информации лингвокультуры, и не имеют эквивалентов или аналогов в других языках. При сопоставлении образных оснований в сравниваемых языках около половины фразеологизмов (47 из 100) характеризуется частичным или полным расхождением в образно-ассоциативной основе при идентичном значении. Треть фразеологизмов (35 из 100) обнаруживает полное расхождение в образе, что позволяет говорить о наличии уникальных фразеологизмов. Результаты исследования также подтверждают заявление Шаховского и Панченко (1999, с. 287–288) о том, что соматизмы как «доноры» при фразеологизации могут использоваться в разных языках с разной частотой, что говорит о том, что образно-ассоциативный потенциал языков может отличаться. По результатам анализа, образно-ассоциативный потенциал русских соматических фразеологизмов с компонентом *палец* шире и разнообразнее сопоставляемых шведских фразеологизмов (25 русских против 10 шведских).

У настоящего исследования, несомненно, есть ряд своих ограничений. Можно предположить, что иной исследователь провел бы иной анализ и получил бы иные результаты. Как отмечалось ранее (см. главу 1.1.), фразеологизмы и их употребление очень зависимы от фоновых знаний. Происхождение и жизненный опыт, а также предыдущие знания и образование являются тем фоном, который и предопределяет ход отбора материала и последующего анализа. Наибольшие ограничения касаются сопоставительного анализа и выделения безэквивалентных и безаналоговых фразеологизмов, поскольку невозможно знать все. Возможно, описанные ситуации концептуализируются средствами фразеологии, но с совершенно иным образно-ассоциативным основанием и иной семантической структурой, в результате чего они неизвестны исследователю.

Подводя итоги, можно сделать вывод о том, что русская и шведская картины мира отражают особенности мировосприятия русского и шведского народов, обусловленные, с одной стороны, экстралингвистическими факторами: особенностями исторического развития, специфическими чертами материальной и духовной культуры (стереотипы

мышления, быт, обычаи, представления, обычаи и пр.), а также особенностями русского и шведского языков, по-разному категоризирующих и концептуализирующих одну и ту же объективную действительность с другой стороны. Несовпадение соматических символов в сопоставляемых языках является следствием несхожести экстралингвистических факторов (истории и культуры), что подтверждает независимое развитие каждой из сравниваемых лингвокультур. Своеобразие национально-культурной специфики является одной из главных причин полного или частичного несовпадения фразеологизмов и наличия целого пласта оригинальных фразеологизмов. И в данном случае только знание экстралингвистических факторов позволяет правильно декодировать информацию, заключенную в фразеологизмы.

5.2. Методологическая дискуссия

При исследовании фразеологизмов как отражении менталитета лингвокультуры наиболее важным является выявление и сопоставление плана содержания, и особенно внутренней формы с ее образно-ассоциативным основанием. Семантический анализ как метод подтвердил свою целесообразность в ходе исследования, поскольку его было легко реализовать, и были получены хорошие результаты. Подключение концептуального метода позволило решить задачу тематического группирования и представления материала в более компактном виде и с лучшей обзорностью. При сопоставлении фразеологизмов были выявлены как сходства, так и различия в восприятии мира сопоставляемых лингвокультур, что явилось основой группирования фразеологизмов по семантической эквивалентности, аналогичности или их отсутствия.

Несмотря на сложности с переизбытком, сплошная выборка как метод сбора материала так же подтвердила свою целесообразность в ходе исследования, поскольку был получен необходимый объем материала. В случае отказа от редукции материала, возможно, были бы получены несколько иные результаты, но тогда обработка материала была бы более обширной и заняла бы больше времени. Более того, несмотря на двойную редукцию, материал дал хорошее представление о том, как фрагменты мира концептуализируются средствами фразеологии рассматриваемых языков.

Подводя итоги, можно сказать, что в ходе исследования были выполнены все задачи и достигнута цель, а по результатам анализа были получены ответы на исследовательские вопросы, и это означает, что все методы исследования были оправданы.

Несомненно, сложно сделать какие-либо далеко идущие выводы из настоящего исследования на основании небольшой выборки из 100 единиц. Тем не менее, можно осторожно предположить, что при исследовании иных соматических фразеологизмов были бы получены аналогичные результаты в отношении выявления как общекультурной, так и национально-культурной специфики.

Как было описано выше (см. главу 1.1.), фразеологизмы употребляются сплошь и рядом и они более яркие и емкие. Новые фразеологизмы рождаются, старые видоизменяются, и это происходит так часто, что их, как и прочие языковые знаки, не успевают фиксировать в словарях. Возможно, на момент написания настоящей работы в словаре фиксируется аналог или даже эквивалент какого-либо из (безэквивалентных и безаналоговых) фразеологизмов собранного корпуса, а возможно, результаты настоящего исследования окажутся полезными и внесут свой вклад в словарное оформление определенных пар фразеологизмов русского и шведского языков.

5.3. Выводы и предложения по дальнейшим исследованиям

Главным выводом настоящего исследования является очередная констатация факта наличия в фразеологическом фонде языков как общекультурной, так и национальной специфики. В отношении рассмотренной пары языков общекультурный пласт оказался довольно обширным (треть корпуса), что свидетельствует о тесном взаимодействии лингвокультур в процессе своей исторической и культурной деятельности. В то же время большая часть фразеологизмов (около половины корпуса) подтверждает наличие у каждой из сопоставляемых лингвокультур своей идеи и своего пути исторического, языкового и культурного развития. Географическое соседство, сходность природных условий и христианство явились объединяющими факторами, тогда как отличия в истории и культуре (особенно, что касается быта) определили самобытность каждой лингвокультуры в отдельности. Особенность соматических фразеологизмов с компонентом *палец* в русском и *finger* в шведском языках заключается в их антропоцентричности, и их помощью можно описать практически весь внутренний мир человека: 1) чувства и состояния; 2) взаимоотношения человека с окружающим миром; 3) взаимоотношения человека с человеком.

Объектом дальнейшего исследования могут стать иные фразеологизмы рассмотренной языковой пары, фиксирующие результат образного соизмерения

внутреннего мира человека и отражающие менталитет русской и шведской лингвокультур. Более основательное исследование на базе соматических фразеологизмов с привлечением дополнительных или иных компонентов с целью выявления и сопоставления более крупных фрагментов картины мира также представляется релевантным и познавательным. Кроме того, было бы чрезвычайно интересно провести перекрестное сопоставительное исследование с включением нескольких (как близкородственных, так и неродственных) языков с целью определения общекультурных и национально-культурных элементов симболярия разных народов.

Библиография

- Brinkkjaer, U. & Høyen, M. (2013). *Vetenskapsteori för lärarstudenter*. Studentlitteratur.
- Helsing, B., Hellquist, M. & Hallengren, A. (2002). *Bevingat: Från Adam & Eva till Oväntat besök*. Bonniers.
- Johanson, K. (2016). *Svenska uttryck och deras ursprung*. Ordalaget Bokförlag.
- Lemnitzer, L. & Zinsmeister, H. (2015). *Korpuslinguistik: Eine Einführung*. Narr Studienbücher.
- Litosseliti, L. (2018). *Research methods in linguistics (Second edition.)*. Bloomsbury Academic.
- Sapir, E. (1921). *Language: An introduction to the study of speech*. Harcourt, Brace and Co.
- Sohlberg, P. & Sohlberg, B. (2013). *Kunskapens former: Vetenskapsteori och forskningsmetod*. Liber.
- Thurén, T. (2019). *Vetenskapsteori för nybörjare*. Liber.
- Tjora, A. & Torhell, S. (2012). *Från nyfikenhet till systematisk kunskap: Kvalitativ forskning i praktiken*. Studentlitteratur.
- Whorf, B. L. (1952). *Collected papers on metalinguistics*. Dept. of State, Foreign Service Institute.
- Алефиренко, Н. Ф. & Семенов, Н. Н. (2009). *Фразеология и паремология : учебное пособие для бакалаврского уровня филологического образования*. Флинта; Наука.
- Арутюнова, Н. Д. (1999). *Язык и мир человека*. Языки русской культуры.
- Бабкин, А. М. (2009). *Русская фразеология, ее источники и развитие*. Либроком.
- Береговская, Э. М. (1999). Фразеологизмы аргю как специфический взгляд на мир. В (ред.) В. Н. Телия, *Фразеология в контексте культуры* (стр. 108–113). Языки русской культуры.
- Брагина, Н. Г. (1999). Фрагмент лингвокультурологического лексикона (базовые понятия). В (ред.) В. Н. Телия, *Фразеология в контексте культуры* (стр. 131–138). Языки русской культуры.
- Валгина, Н. С., Розенталь, Д. Э. & Фомина, М. И. (2002). *Современный русский язык*. Логос.
- Виноградов В.В. (1977). *Лексикология и лексикография*. Наука.
- Гак, В. Г. (1999). Национально-культурная специфика меронимических фразеологизмов. В В. Н. Телия, *Фразеология в контексте культуры*. Языки русской культуры.
- Григорьева, С. А., Григорьев, Н. В. & Крейдлин, Г. Е. (2001). *Словарь языка русских жестов*. Языки русской культуры; Венский славистический альманах.
- Ковшова, М. Л. (1999). Как с писаной торбой носиться: принципы когнитивно-культурологического исследования идиом. В (ред.) В. Н. Телия, *Фразеология в контексте культуры* (стр. 164–173). Языки русской культуры.
- Козеренко, А. Д. & Крейдлин, Г. Е. (1999). Тело как объект природы и тело как объект культуры (о семантике фразеологизмов, построенных на базе жеста). В (ред.) В. Н. Телия, *Фразеология в контексте культуры* (стр. 269–277). Языки русской культуры.
- Малишевская, Д. Ч. (1999). Базовые концепты культуры в свете гендерного подхода (на примере оппозиции "Мужчина/Женщина"). В (ред.) В. Н. Телия, *Фразеология в контексте культуры* (стр. 180–186). Языки русской культуры.

- Мокиенко, В. М. (1999). *Образы русской речи*. Санкт-Петербургский государственный университет.
- Мокиенко, В. М. & Никитина, Т. Г. (1999). Фразеология в контексте субкультуры (фразеология в жаргоне и жаргон во фразеологии). В (ред.) В. Н. Телия, *Фразеология в контексте культуры* (стр. 80–85). Языки русской культуры.
- Степанов, Ю. С. (1997). *Константы. Словарь русской культуры*. Языки русской культуры.
- Телия, В. Н. (1963). *О термине "фразема" // Тезисы научной конференции аспирантов ИЯз АН СССР*. Наука, 1963.
- Телия, В. Н. (1996). *Русская фразеология: семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты*. Школа "Языки русской культуры".
- Телия, В. Н. (1999). Первоочередные задачи и методологические проблемы исследования фразеологического состава языка в контексте культуры. В (ред.) В. Н. Телия, *Фразеология в контексте культуры* (стр. 13–24). Языки русской культуры.
- Телия, В. Н. (Ред.) (1999). *Фразеология в контексте культуры*. Языки русской культуры.
- Феоктистова, А. Б. (1999). Культурно значимая роль внутренней формы идиом с позиций когнитологии. В (ред.) В. Н. Телия, *Фразеология в контексте культуры* (стр. 174–179). Языки русской культуры.
- Хун, Б. (1999). Национально-культурная специфика фразеологизмов в русском и китайском языках. В (ред.) В. Н. Телия, *Фразеология в контексте культуры* (стр. 305–310). Языки русской культуры.
- Шанский, Н. М. (1996). *Фразеология современного русского языка*. Специальная литература.
- Шаховский, В. И. & Панченко Н.Н. (1999). Национально-культурная специфика концепта "обман" во фразеологическом аспекте. В (ред.) В. Н. Телия, *Фразеология в контексте культуры* (стр. 285–288). Языки русской культуры.
- Шенделева, Е. А. (1999). Полевая организация образной лексики и фразеологии. В (ред.) В. Н. Телия, *Фразеология в контексте культуры* (стр. 74–79). Языки русской культуры.

Словари

- Duden (2008). *Redewendungen. Wörterbuch der deutschen Idiomatik*. I: Der Duden in zwölf Bänden. 3., überarbeitete und aktualisierte Auflage. Band 11, Dudenverlag. Seite 225.
- FO (u.å.). *Fula Ordboken*. <http://www.fulaordboken.se/>
- NSRO (2012). *Norstedts stora ryska ordbok: Rysk-svensk, svensk-rysk: [144.000 ord och fraser] = Bol'shoj russko-švedskij, švedsko-russkij slovar' izdatel'stva "Norstedts" (1. uppl.)*. Norstedts.
- OKF (2003). *Svenskt språkbruk. Ordbok över konstruktioner och fraser*. Svenska språknämnden & Norstedts Ordbok.
- OU (2007). *Ordens ursprung*. (B. Bergman). Wahlström & Widstrund.
- SAOB (1924). *Svenska Akademiens Ordbok*. <https://www.svenska.se>
- SB (2023). *Slovoborg*. <http://slovoborg.su/>
- SP (2023). *Slangopedia*. <http://www.slangopedia.se/>

- SO (2021). *Svensk ordbok utgiven av Svenska Akademien*. <https://www.svenska.se>
- WNZ (2009). *Van Dale middelgroot woordenboek Nederlands-Zweeds*. Van Dale.
- WSPS (2004). *Wörterbuch der schwedischen Phraseologie in Sachgruppen*. (H. Schottmann, R. Petersson). Lit Verlag.
- БСРЖ = *Большой словарь русского жаргона* (2000). (под ред. В. М. Мокиенко и Т. Г. Никитиной). Норинт.
- БСРП = *Большой словарь русских поговорок* (2007). (под ред. В. М. Мокиенко). Олма.
- БСРС = *Большой словарь русских сравнений* (2008). (под ред. В. М. Мокиенко). Олма.
- КПР = *Культура письменной речи* (2023). <http://grammar.ru/>
- РФ = *Русская фразеология. Историко-этимологический словарь* (2005) (под ред. В. М. Мокиенко). Апрель: АСТ.
- СБРЯ = *Словарь библеизмов русского языка* (2017). *Библеизмы в современной русской речи. Как их правильно понимать и употреблять* (под ред. В. М. Мокиенко). Центрполиграф.
- СОВРЯ = *Словарь образных выражений русского языка* (1995). (под ред. В.Н. Телии). Отечество.
- СРА = *Словарь русского арго* (2000). (под ред. В. С. Елистратова). Русские словари.
- СРБ = *Словарь русской брани* (2004). (под ред. В. М. Мокиенко и Т. Г. Никитиной). Норинт.
- СРФ = *Словарь русской фразеологии. Историко-этимологический справочник* (1998) (под ред. В. М. Мокиенко). Олма.
- СФСРЯ = *Словарь фразеологических синонимов русского языка* (1987). (под ред. В. П. Жукова). Русский язык.
- СФСРЯ = *Словарь фразеологических синонимов русского языка* (1997). (под ред. В. М. Мокиенко). Феникс.
- СЯРЖ = *Словарь языка русских жестов* (2001). (под ред. С. А. Григорьевой, Н. В. Григорьева, Г.Е. Крейдлин). Языки русской культуры; Венский славистический альманах.
- ТСД = *Толковый словарь Даля* (1907). *Толковый словарь живого великорусского языка Владимира Даля* (под ред. И.А. Бодуэна де Куртенэ). Том третий. Издание т-ва М. О. Вольфа.
- ТСУ = *Толковый словарь Ушакова* (1939). *Толковый словарь русского языка* (под ред. Д. Н. Ушакова). Том III. Государственное издательство иностранных и национальных словарей.
- ТСШ = *Толковый словарь Шведовой* (2008). *Толковый словарь русского языка* (под ред. И. Ю. Шведовой). Российская Академия наук.
- ФСРЯ = *Фразеологический словарь русского языка Телии* (2006). <http://rus-yaz.niv.ru/doc/phraseological-dictionary/>
- ФСВ = *Фразеологический словарь Волковой* (2000). *Универсальный фразеологический словарь русского языка* (под ред. Т. В. Волковой) Вече.
- ФСФ = *Фразеологический словарь русского литературного языка: ок. 13000 фразеологических единиц/А.И. Федоров* (2008). Апрель: АСТ.

Приложение 1 Сводная информация о собранном материале

Общее количество отобранных единиц - 100 фразеологизмов

тема	семантика	РУССКИЙ	ШВЕДСКИЙ
Деятельность и ее отсутствие	1) бездействие и лень	1. <i>палец о палец не ударит</i> 2. <i>пальцем не (по)шевельнуть/не двинуть/и пальцем не погнуть/и пальца не поднять</i>	1. <i>ha tummen/fingret i arslet/röven/ändan</i> 2. <i>inte lyfta/röra/kröka ett finger</i> 3. <i>inte lägga två fingrar i kors</i>
	2) начало или ускорение деятельности; (преступная) деятельность	3. <i>два пальца в жопу и скачками</i>	4. <i>få tummen/fingret ur arslet/röven/ändan</i> 5. <i>stoppa tummen/fingret in i arslet/röven/ändan</i> 6. <i>långa fingrar</i>
	3) навык и сноровка; легкость и простота выполнении дела	4. <i>[легко] как два пальца обоссать/обмочить/облизать</i> 5. <i>[легко] как два пальца об асфальт</i>	7. <i>göra ngt med flinka fingrar</i> 8. <i>ngn är flink/kvick i fingrarna</i> 9. <i>gröna fingrar</i>
Знание, умение и их отсутствие	4) ум, четкость и мониторинг ситуации, мастерство, интенсивность знания и умения	6. <i>до кончиков пальцев</i> 7. <i>пальца не подсунешь</i> 8. <i>знать что-либо или кого-либо как свои пять пальцев</i> 9. <i>по пальцам можно перечесть</i> 10. <i>не пальцем деланный</i> 11. <i>показывать/объяснять на пальцах</i> 12. <i>как по пальцам</i>	10. <i>sätta fingret på ngt</i> 11. <i>sätta fingret på en öm punkt/den ömma punkten</i> 12. <i>hålla upp/sätta upp ett finger i luften</i> 13. <i>ha/sätta/hålla fingret på ngn puls</i> 14. <i>ngn har ngt i fingrarna/ngt sitter i fingrarna</i> 15. <i>ända ut i fingerspetsarna</i> 16. <i>kunna något på sina fem fingrar</i> 17. <i>kunna räkna ngt på ena handens fingrar</i>
	5) невежество, некомпетентность, отсутствие мастерства	13. <i>(попасть) пальцем в небо</i> 14. <i>ни в зуб ногой, ни в жопу пальцем</i> 15. <i>высосать из пальца</i> 16. <i>у кого-либо два пальца лобик</i> 17. <i>сравнить жопу/хуй с пальцем</i> 18. <i>пальцем деланный</i> 19. <i>палец на ладони</i>	
Взаимоотношения с другими	6) критика, разоблачение, ущемление прав; силовое воздействие, обида	20. <i>наступить на пальцы</i> 21. <i>раз по пальцам два по яйцам</i> 22. <i>пальцем коснуться/тронуть кого-либо</i> 23. <i>пальцем не коснуться/тронуть кого-либо</i>	18. <i>slå ngn på fingrarna</i> 19. <i>få smäll på fingrarna</i> 20. <i>ge någon smäll på fingrarna</i> 21. <i>se ngn på fingrarna</i> 22. <i>(ertappas) med fingrarna i kakburken/syltburken</i>
	7) вмешательство и причастность		23. <i>ha ett finger med i ngt/i spelet</i> 24. <i>ha ett finger med i byken</i> 25. <i>stå med/ha fingrarna i kakburken/syltburken</i> 26. <i>hålla fingrarna från ngt/ngn</i> 27. <i>hålla fingrarna borta/i styr</i> 28. <i>Guds finger</i>
	8) обман и лукавство предостережение	24. <i>обвести вокруг пальца</i> 25. <i>пальца в рот не клади</i> 26. <i>дай кому-либо палец, потребует всю руку</i>	29. <i>linda någon kring sitt finger</i> 30. <i>om man ger honom/djävulen ett [lill-]finger så tar han hela handen</i> 31. <i>ge någon fingret</i>

	9) неприятие, осуждение, высмеивание, одобрение-неодобрение (жесты)	27. <i>показать кому-либо средний палец/фак</i> 28. <i>комбинация из трех пальцев</i> 29. <i>грозить пальцем кому-либо</i> 30. <i>на большой палец</i> 31. <i>тыкать в кого-либо пальцем</i> 32. <i>показывать пальцем на кого-либо</i> 33. <i>куда ни ткни пальцем</i> 34. <i>пальцем крутить у виска</i>	32. <i>visa finger</i> 33. <i>göra fingret åt ngn</i> 34. <i>hota med fingret</i> 35. <i>höja ett varningens finger/ett varnande finger</i> 36. <i>peka finger</i>
	10) желание, вожделение интимные отношения, удивление, изумление	35. <i>пальчики оближешь</i> 36. <i>дамские пальчики</i> 37. <i>пробовать пальчик</i> 38. <i>двадцать первый палец</i>	37. <i>slicka fingrarna efter ngt</i> 38. <i>det kliar i fingrarna på ngn</i> 39. <i>spegla fingret</i> 40. <i>bli med fingret i (hjäpnadens) mun</i>
	11) неудача и заблуждение, отчаяние	39. <i>обжечь себе пальцы на чем-либо</i> 40. <i>ломать пальцы</i>	41. <i>bränna fingrarna</i>
	12) гордость, высокомерие, могущество, зазнайство, хвастовство	41. <i>и пальца не стоит</i> 42. <i>летать на пальцах</i> 43. <i>(стоит) пальцем шевельнуть</i> 44. <i>только пальцем поведет</i> 45. <i>кидать пальцы</i> 46. <i>гнуть пальцы</i> 47. <i>пальцы веером [сопли пузырем, зубы шифером/пальцы веером, жопа в перьях, пики козыри]</i> 48. <i>раскинуть/разбросать пальцы</i> 49. <i>заверни/сверни пальцы!, (а то ботинки порвутся!)</i>	42. <i>ngn behöver bara knäppa med fingrarna</i> 43. <i>ngn behöver bara sträcka ut ett finger</i>
	13) транжирство, утрата, оплошность, неосторожность, попустительств о	50. <i>пропускать/пропустить сквозь пальцы</i> 51. <i>проскакать/проскочить между пальцами</i> 52. <i>ускользать из-под/промеж пальцев/между пальцами</i> 53. <i>плыть/уплывать/уходить/проходить между пальцами</i> 54. <i>видеть/смотреть/глядеть сквозь пальцы</i>	44. <i>rinna mellan fingrarna på ngn</i> 45. <i>inte lägga fingrarna emellan</i> 46. <i>se mellan/genom fingrarna med ngn/ngt</i>

По отношению к самому себе

Приложение 2 Классификация фразеологизмов

Таблица 1. Физические свойства пальцев (подвижность, цвет, размер, локализация) = 22 фразеологизма

тема	Физические свойства пальцев				
	семантика	подвижность	размер	цвет	локализация (внутренняя и внешняя)
Деятельность и ее отсутствие	бездействие и лень	<i>palec o palec ne ударит; пальцем не (по)шевельнуть/не двинуть/и пальцем не погнуть/и пальца не поднять; inte lägga två fingrar i kors; inte lyfta/röra/kröka ett finger</i>			<i>ha tummen/fingret i arslet/röven/ändan</i>
	начало деятельности				<i>få tummen/fingret ur arslet/röven/ändan</i>
	деятельность (преступная)		<i>ha långa fingrar</i>		
	навык и сноровка	<i>göra ngt med flinka fingrar; ngn är flink/kvick i fingrarna</i>		<i>ha gröna fingrar</i>	
Знание, умение и их отсутствие	ум, четкость и мониторинг ситуации				<i>sätta fingret på ngt; sätta fingret på en öm punkt/den ömma punkten; hålla upp/sätta upp ett finger i luften; ha/sätta/hålla fingret på ngn puls;</i>
	невежество, некомпетентность				<i>(попасть/попадать) пальцем в небо; ни в зуб ногой, ни в жопу пальцем; высосать из пальца;</i>
	мастерство интенсивность знания и умения				<i>ngn har ngt i fingrarna/ngt sitter i fingrarna; до кончиков пальцев; ända ut i fingerspetsarna; пальца не подсунешь;</i>
	отсутствие мастерства				<i>палец на ладони</i>

Символ труда, мастерства, умения и знания

Таблица 2. Функциональные свойства пальцев = 24 фразеологизм

Функциональные свойства пальцев					
тема	семантика	наглядный и счетный инструмент	мера измерения и сравнения	инструмент удовлетворения	иной инструмент (сито, затычка, транспорт, ускорение движения)
Качества характера	знание и умение	<i>kunna något på sina fem fingrar</i> ; <i>знать что-либо или кого-либо как свои пять пальцев</i>			
	небольшого количества	<i>по пальцам можно перечесать</i> ; <i>kunna räkna ngt på ena handens fingrar</i>			
	ум-глупость, умение-неумение		<i>у кого-либо два пальца лобик</i> ; <i>сравнить жопу/хуй с пальцем</i>	<i>(не) пальцем деланный</i>	
	транжирство, утрата				<i>пропускать/пропустить сквозь пальцы</i> ; <i>проскакивать между пальцами</i> ; <i>ускользать из-под/промеж пальцев/между пальцами</i> ; <i>плыть/уплывать/уходить/проходить между пальцами</i> ; <i>rinna mellan fingrarna på ngn</i>
	гордость		<i>и пальца не стоит</i>		<i>летать на пальцах</i> ;
	ускорение в делах				<i>два пальца в жопу и скачками</i> ; <i>stoppa tummen/fingret in i arslet/röven/åndan</i>
Взаимоотношения	интимные отношения			<i>дамские пальчики</i> ; <i>пробовать пальчик</i> ; <i>spegla fingret</i> ; <i>двадцать первый палец</i>	
	объяснение, преподавание	<i>объяснять на пальцах</i> ; <i>как по пальцам</i>			
	обман, лукавство				<i>обвести вокруг пальца</i> ; <i>linda någon kring sitt finger</i>

Палец как универсальный инструмент

Таблица 3. Характеристика воздействия на палец = 16 фразеологизм

Характеристика воздействия на палец				
тема	семантика	Преднамеренное силовое воздействие на палец	Непреднамеренное воздействие на палец	Рефлекторное воздействие на пальцы, вызванное иным действием
Взаимоотношения	ущемления прав, интересов личности критика давление и притеснение	<i>slå ngn på fingrarna; få smäll på fingrarna; ge någon smäll på fingrarna; раз по пальцам два по яйцам; se ngn på fingrarna</i>	<i>наступать на пальцы</i>	
	заблуждение, неудача		<i>bränna fingrarna; обжечь себе пальцы на чем-либо</i>	
	предостережение нахальства		<i>палец в рот не клади; дай палец кому-либо, потребует всю руку; om man ger honot/djävulen ett [lill-]finger så tar han hela handen</i>	
Отношение к себе	простоты, легкости выполнения какого-либо дела		<i>[легко] как два пальца обоссать; [легко] как два пальца об асфальт</i>	
	желание, вождение, предвкушение			<i>slicka fingrarna efter ngt; пальчики оближешь; det kliar i fingrarna på ngn</i>

Палец как объект воздействия (пациенс)

Таблица 4а. Характеристика воздействия пальца на окружающий мир (безжестовое воздействие) = 16 фразеологизмов

тема	Безжестовое воздействие		
	семантика	Шевеление, загибание, растопыривание	Попадание или сование пальца в чужое пространство
Сила, могущество, воздействие и	могущество и превосходство	<i>(stout) пальцем шевельнуть; только пальцем поведет; ngn behöver bara knäppa med fingrarna; ngn behöver bara sträcka ut ett finger</i>	
	(силового) воздействия на кого-либо и обиды		<i>пальцем коснуться/тронуть кого-либо; пальцем не коснуться/тронуть кого-либо</i>
Вмешательство, вторжение в чужой мир	оплошности и неосторожности		<i>inte lägga fingrarna emellan</i>
	разоблачение		<i>(ertappas) med fingrarna i kakburken/syltburken</i>
	вмешательство-невмешательство, вторжение и причастность		<i>ha ett finger med i ngt/i spelet; ha ett finger med i byken; stå med/ha fingrarna i kakburken/syltburken;</i>
	божественное участие, указание		<i>hålla fingrarna från ngt/ngn; hålla fingrarna borta/i styr</i> <i>Guds finger</i>

Палец как субъект воздействия (агенса)

Палец как символ власти и силы

Палец как символ вмешательства и участия

Таблица 4б. Характеристика воздействия пальца на окружающий мир (жестовое воздействие) = 22 фразеологизма

Жестовое воздействие					
тема	семантика	Один палец			Несколько пальцев
		Указательный палец	Большой палец	Средний палец	
	осуждения, высмеивания и порицания хвастовство, зазнайство, гордость, превосходство высокомерие	<i>тыкать в кого-либо пальцем; показывать пальцем на кого-либо; пальцем крутить у виска; reka finger</i>			<i>кидать пальцы; гнуть пальцы; пальцы веером [сопли пузырем, зубы шифером/пальцы веером, жопа в перьях, пики козыри]; раскинуть/разбросать пальцы; заверни пальцы/сверни пальцы! (а то ботинки порвутся!)</i>
	пространство оплошность, попустительство	<i>куда ни ткни пальцем</i>			<i>видеть/смотреть/глядеть сквозь пальцы; se mellan/genom fingrarna med ngn/ngt</i>
	удивления и недоумения отчаяние	<i>bli med fingret i (härnadens) mun</i>			<i>ломать пальцы</i>
	предупреждения, предостережения, осуждения и угрозы одобрение и неодобрение неприятие или отказ	<i>грозить пальцем кому-либо; hota med fingret; höja ett varningens finger/ett varnande finger</i>	<i>на большой палец</i>	<i>ge någon fingret; visa finger; göra fingret åt ngn; показать кому-либо средний палец/фак</i>	<i>комбинация из трех пальцев</i>

Палец как жестобразующий элемент

Приложение 3 Фразеологическая соотносимость

Полное совпадение	Структура +	Образ +	Значение +
Частичное совпадение	+/-	+/-	+/-
Несовпадение	-	-	-

Например: фразеологизмы, представленные ниже являются частичными эквивалентами: структура (компоненты) и образ совпадают, но значение частично отличается.

<i>обвести вокруг пальца</i>	<i>linda någon kring sitt finger</i>	C + O + 3 +/-
------------------------------	---	---------------

Таблица 1. Эквиваленты (37 из 100)

	РУССКИЙ	ШВЕДСКИЙ	комментарий	
ПОЛНЫЕ	1. показывать пальцем на кого-либо	2. <i>peka finger åt ngn</i>	C + O + 3 +	
	3. тыкать пальцем в кого-либо			
	4. видеть/смотреть/глядеть сквозь/через пальцы на что-либо/кого-либо	5. <i>se mellan/genom fingerarna med ngn/ngt</i>	C + O + 3 +	
	6. пальцем не (по)шевелинуть/не двинуть/не погнуть/не поднять	7. <i>inte lyfta/röra/kröka ett finger</i>	C + O + 3 +	
	8. дай палец кому-либо, потребует всю руку	9. <i>om man ger honom/djävulen ett [lill-]finger så tar han hela handen</i>	C + O + 3 +	
	10. грозить пальцем кому-либо	11. <i>hota med fingerret</i>	C + O + 3 +	
	12. обжечь себе пальцы на чем-либо	13. <i>bränna fingerarna</i>	C + O + 3 +	
	14. знать что-либо или кого-либо как свои пять пальцев	15. <i>kunna något på sina fem fingerar</i>	C + O + 3 +	
	16. по пальцам можно перечесть	17. <i>kunna räkna ngt på ena handens fingerar</i>	C + O + 3 +	
	18. палец о палец не ударит	19. <i>inte lägga två fingerar i kors</i>	C + O + 3 +	
	ЧАСТИЧНЫЕ	20. показать кому-либо средний палец	21. <i>visa finger åt ngn</i>	C + O + 3 +
			22. <i>ge någon fingerret</i>	C + O + 3 +
			23. <i>göra fingerret åt ngn</i>	C + O + 3 +
		24. плыть/уходить/проходить между пальцами	25. <i>rinna mellan fingerarna på ngn</i>	C + O + 3 +
		26. до самых кончиков пальцев	27. <i>ända ut i fingerspetsarna</i>	C + O + 3 +
		28. палец на ладони	<i>ha tummen mitt i handen</i>	C +/- O + 3 +
		29. что-либо/кто-либо на большой палец	<i>tummen upp för ngt/ngn</i>	C +/- O + 3 +
		Божий перст	30. <i>Guds finger</i>	C +/- O + 3 +
31. наступать на пальцы [ног]		<i>trampa ngn på tårna</i>	C +/- O + 3 +	
32. (стоит) пальцем шевельнуть	33. <i>ngn behöver bara knäppa med fingerarna</i>	C +/- O + 3 +		
34. только пальцем поведет	35. <i>ngn behöver bara sträcka ut ett finger</i>	C +/- O + 3 +		
36. обвести вокруг пальца	37. <i>linda någon kring sitt finger</i>	C + O + 3 +/-		

Таблица 2. Аналоги (42 из 100)

	РУССКИЙ	ШВЕДСКИЙ	КОММЕНТАРИЙ
ПОЛНЫЕ	длинные руки	36. <i>ha långa fingerar</i>	C +/- O + 3 +
	руки чешутся у кого-либо	37. <i>det kliar i fingerarna på ngn</i>	C +/- O + 3 +
	получить по рукам	38. <i>få smäll på fingerarna</i>	C +/- O + 3 +
	дать кому-либо по рукам	39. <i>ge någon smäll på fingerarna</i>	C +/- O + 3 +
		40. <i>slå ngn på fingerarna</i>	C +/- O + 3 +
	делать что-либо живой рукой	41. <i>göra ngt med flinka fingerar</i>	C +/- O + 3 +
		42. <i>ngn är flink/kvick i fingerarna</i>	C +/- O + 3 +
	держаться руку на пульсе	43. <i>ha/sätta/hålla fingeret på ngn puls</i>	C +/- O + 3 +
	руки в жопе/заде/заднице	44. <i>ha tummen/fingeret i arslet/röven/ändan</i>	C +/- O + 3 +/-
	руки из жопы/зада/задницы достать/вынуть	45. <i>få tummen/fingeret ur arslet/röven/ändan</i>	C +/- O + 3 +/-
	облизывать губы	46. <i>slicka fingerarna efter ngt</i>	C +/- O +/- 3 +
	не спускать глаз с кого-либо	47. <i>se ngn på fingerarna</i>	C +/- O +/- 3 +
	убрать руки ; не распускать руки	48. <i>hålla fingerarna i styr</i>	C +/- O +/- 3 +
	держаться руки прочь	49. <i>hålla fingerarna borta/från ngt/ngn</i>	C +/- O +/- 3 +
	разинуть рот [от изумления]	50. <i>bli med fingeret i (hjäpnadens) mun</i>	C +/- O +/- 3 +
	51. пропускать сквозь пальцы	<i>släppa ngt ur händerna</i>	C +/- O + 3 +
	52. проскакивать между пальцами		C +/- O + 3 +
	53. ускользнуть из-под (промеж) пальцев /между пальцами	<i>falla/gå/glida /rinna ur händerna</i>	C +/- O + 3 +
	54. ломать пальцы	<i>vrida händer</i>	C +/- O +/- 3 +
приложить руку	55. <i>ha ett finger med i ngt/i spelet</i>	C +/- O - 3 +	
у кого-либо рука набита	56. <i>ngn har ngt i fingerarna/ngt sitter i fingerarna</i>	C +/- O - 3 +/-	
57. попробовать пальчик	58. <i>spegla fingeret</i>	C + O +/- 3 +/-	
59. два пальца в жопу и скачками	60. <i>stoppa tummen/fingeret in i arslet/röven/ändan</i>	C +/- O +/- 3 -	
ЧАСТИЧНЫЕ	61. пальцем коснуться/тронуть кого-либо	<i>kröka ett hår på ngn's huvud</i>	C +/- O +/- 3 +
	62. пальцем не коснуться/тронуть кого-либо	<i>inte kröka ett hår på ngn's huvud</i>	C +/- O +/- 3 +
	63. не пальцем деланный	<i>inte född i farstun</i>	C - O - 3 +
	64. пальцем деланный	<i>född i farstun</i>	C - O - 3 +
	65. и пальца не стоит	<i>inte ens värd att knyta ngn's skosnören</i>	C +/- O - 3 +
	66. сравнить жопу/хуй с пальцем	<i>jämföra äpplen och/med päron</i>	C +/- O - 3 +
	67. [легко] как два пальца обоссать/обмочить/облизать	<i>lätt som en plätt</i>	C +/- O - 3 +
	68. [легко] как два пальца об асфальт		
	69. пальчики облизнешь	<i>det var smaskens</i>	C - O - 3 +
	70. пальца в рот не клади	<i>man måste vara på sin vakt mot ngn</i>	C - O - 3 +
	71. ни в зуб ногой, ни в жопу пальцем	<i>inte fatta ett dyft</i>	C - O - 3 +
	72. высосать из пальца	<i>gripa ngt ur luften</i>	C - O - 3 +
	73. летать на пальцах	<i>flyta ovanpå</i>	C - O - 3 +
	74. комбинация из трех пальцев	<i>[ge/få] fikon</i>	C - O + 3 -
	75. (попасть/попадать) пальцем в небо	<i>vara ute och cykla</i>	C - O - 3 +
поймать с поличным	76. <i>(ertappas) med fingerarna i kakburken/syltburken</i>	C - O - 3 +	

Таблица 3. Безэквивалентные и безаналоговые (21 из 100)

	ФРАЗЕОЛОГИЗМ	ПРИМЕРНЫЙ ПЕРЕВОД	Как справляются переводчики (НКРЯ)
РУССКИЙ	79. куда ни ткни пальцем (досл. 'vart man än pekar fingret')	<i>överallt</i>	По этому запросу ничего не найдено.
	80. пальцем <i>крутить</i> у виска (досл. 'snurra med fingret vid tinningen')	<i>visa att någon är galen</i>	<i>snurra med pekfingret vid/mot tinningen</i>
	81. <i>кидать пальцы</i> (досл. 'vifta med fingrarna')	<i>börja bli viktig, arrogant, inbilsk;</i>	По этому запросу ничего не найдено.
	82. <i>гнуть пальцы</i> (досл. 'böja/kröka fingrarna')	<i>visa att man tillhör tjuvarnas värld</i>	По этому запросу ничего не найдено.
	83. пальцы <i>веером</i> [, <i>сопли пузырем, зубы шифером/пальцы веером, жона в перьях, пики козыри</i>] (досл. 'fingrarna i en solfjäder [, snoret uppblåst, tänderna som skiffer/fingrarna i en solfjäder, röven i fjädrar, spader trumfkort]')	<i>börja bli viktig, arrogant, inbilsk; visa att man tillhör tjuvarnas värld</i>	По этому запросу ничего не найдено.
	84. <i>раскинуть/разбросать пальцы</i> (досл. 'sprida/sträcka ut fingrarna')	<i>visa att man tillhör tjuvarnas värld</i>	По этому запросу ничего не найдено.
	85. <i>заверни/сверни пальцы!</i> (<i>а то ботинки порвутся!</i>) (досл. 'vira in / rulla fingrarna!, annars kommer skorna att gå sönder!')	<i>Uppför dig mer blygsamt!</i>	По этому запросу ничего не найдено.
	86. пальца <i>не подсунешь</i> (досл. 'det går inte att stoppa in fingret under ngt')	<i>[så bra gjort att] det inte går att haka upp sig</i>	По этому запросу ничего не найдено.
	87. <i>раз по пальцам два по яйцам</i> (досл. 'ett slag på fingrarna, två på ballarna')	<i>få kritik för dåligt arbete</i>	По этому запросу ничего не найдено.
	88. <i>объяснять на пальцах</i> (досл. 'förklara på (med hjälp av) fingrarna')	<i>förklara på ett enkelt och tillgängligt sätt</i>	По этому запросу ничего не найдено.
	89. <i>как по пальцам</i> (досл. 'som på ena handens fingrar')	<i>med alla detaljer, exakt och tydligt</i>	По этому запросу ничего не найдено.
	90. <i>дамские пальчики</i> (досл. 'damfingrar')	<i>kondom</i>	По этому запросу ничего не найдено.
	91. <i>двадцать первый палец</i> (досл. '21:a fingret')	<i>köttfinger</i>	По этому запросу ничего не найдено.
	92. <i>у кого-либо два пальца лобик</i> (досл. 'någon har två fingrars bred panna')	<i>dumbom; risko</i>	По этому запросу ничего не найдено.
ШВЕДСКИЙ	93. <i>höja ett varningens finger/ett varnande finger</i> (досл. 'поднять предупреждающий палец/палец предостережения')	<i>predupprejda, predosterejata</i>	предостерегающе поднять указательный палец; поднять восклицательный палец
	94. <i>ha gröna fingrar</i> (досл. 'иметь зеленые пальцы')	<i>иметь талант к выращиванию растений</i>	иметь легкую руку, любить растения
	95. <i>ha ett finger med i byken</i> (досл. 'иметь палец в грязном белье')	<i>быть замешанным в каком-либо мутном деле</i>	грязное белье идет в оборот
	96. <i>stå med/ha fingrarna i kakburken/syltburken</i> (досл. 'стоять с пальцами/иметь пальцы в банке с печеньем/вареньем')	<i>быть причастным к запрещенной деятельности</i>	запустить пальцы в это банку с вареньем
	97. <i>sätta fingret på ngt</i> (досл. 'положить палец на что-либо')	<i>точно определить, понять суть, в чем дело</i>	биться об заклад; понимать; уловить; выразиться точнее
	98. <i>sätta fingret på en öm punkt/den ömma punkten</i> (досл. 'положить палец на больное место')	<i>определить слабое место, выявить недостаток</i>	определить болевую точку; выявить слабость
	99. <i>hålla upp/sätta upp ett finger i luften</i> (досл. 'держат/поднять палец в воздух')	<i>выявить ситуацию, узнать, что происходит</i>	поднять вверх указательный палец
	100. <i>inte lägga fingrarna emellan</i> (досл. 'не подложить пальцы между чем-либо')	<i>не проявить снисходительность по отношению к чему-либо или кому-либо</i>	По этому запросу ничего не найдено.

Таблица 4. Уникальные фразеологизмы (35 из 100)

	ФРАЗЕОЛОГИЗМ	МОТИВАЦИЯ
РУССКИЙ	1. куда ни ткни пальцем	переосмысление жеста
	2. кидать пальцы	переосмысление жеста
	3. гнуть пальцы	переосмысление жеста
	4. пальцы веером [, сопли пузырем, зубы шифером/ пальцы веером, жопа в перьях, пики козыри]	переосмысление жеста
	5. раскинуть/разбросать пальцы	переосмысление жеста
	6. заверни/сверни пальцы! (а то ботинки порвутся!)	переосмысление жеста
	7. пальца не подсунешь	образ, быт (ремесло)
	8. раз по пальцам два по яйцам	переосмысление движения, быт (наказание)
	9. объяснять на пальцах	переосмысление движения, быт (мнемотехника)
	10. как по пальцам	переосмысление движения, быт (мнемотехника)
	11. дамские пальчики	образ, метафоризация
	12. двадцать первый палец	образ, метонимизация
	13. у кого-либо два пальца лобик	образ, представление
	14. летать на пальцах	образ, культура нуворишей
	15. (попасть/попадать) пальцем в небо	образ, древнее представление
	16. и пальца не стоит	образ, древний обычай
	17. сравнить жопу/хуй с пальцем	образ, эталон
	18. ни в зуб ногой, ни в жопу пальцем	образ, досуг (детская игра)
	19. [легко] как два пальца обоссать/обмочить/облизать	образ, быт
	20. [легко] как два пальца об асфальт	образ, быт
	21. пальчики оближешь	образ, быт
	22. пальца в рот не клади	образ, быт
	23. не пальцем деланный	образ, древний обычай
	24. пальцем деланный	образ, древний обычай
	25. высосать из пальца	образ, древнее представление
ШВЕДСКИЙ	26. <i>höja ett varningens finger/ett varnande finger</i> (досл. 'поднять предупреждающий палец/палец предостережения')	переосмысление жеста
	27. <i>ha gröna fingrar</i> (досл. 'иметь зеленые пальцы')	образ, быт (садоводство)
	28. <i>ha ett finger med i byken</i> (досл. 'иметь палец в грязном белье')	образ, быт
	29. <i>stå med/ha fingrarna i kakburken/syltburken</i> (досл. 'стоять с пальцами/иметь пальцы в банке с печеньем/вареньем')	образ, быт
	30. <i>sätta fingret på ngt</i> (досл. 'положить палец на что-либо')	переосмысление движения, быт (чтение карт и книг)
	31. <i>sätta fingret på en öm punkt/den ömma punkten</i> (досл. 'положить палец на больное место')	переосмысление движения, быт (чтение карт и книг)
	32. <i>ngn har ngt i fingrarna/ngt sitter i fingrarna</i>	образ, древнее представление
	33. <i>hålla upp/sätta upp ett finger i luften</i> (досл. 'держат/поднять палец в воздух')	образ, древний обычай
	34. <i>inte lägga fingrarna emellan</i> (досл. 'не подложить пальцы между чем-либо')	образ, древнее представление
	35. <i>ha ett finger med i ngt/i spelet</i>	образ, досуг (игра в карты и кости)